

Российская Академия наук
Сибирское отделение
Институт проблем малочисленных
народов Севера

Н.И.Спиридонов

Одулы (юкагиры) Колымского округа

Якутск 1996

Н.И.Спиридонов.

Одулы (юкагиры) Колымского округа* – Якутск: Издательство “Северовед”. – 1996. – 80 с. : ил.

Основу книги составляет работа Н.И.Спиридонова (Тэки Одулока), в которой описывается жизнь юкагиров на рубеже XIX-XX веков. В книгу включены предисловие, послесловие, примечания С.Н.Горохова, а также приложения.

ISBN 5-88975-008-9

Редколлегия: *Горохов С.Н. (отв. редактор)*
Курилов Н.Н.
Шадрин В.И.

Печатается по решению Ученого Совета Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН от 25 апреля 1996 г.

ISBN 5-88975-008-9

© Издательство “Северовед”

Великий одул о судьбах родного народа

(Вместо предисловия)

22 мая 1996 г. исполняется 90 лет со дня рождения славного сына юкагирского народа, ученого-экономиста, талантливое писателя, основоположника юкагирской литературы Николая Ивановича Спиридонова (Тэки Одулока).

Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок) родился в урочище Нелемное в семье безоленного охотника Атыляхана одиннадцатым ребенком. С детства выделялся природным умом, основательностью и изобретательностью. Трудна и трагична была жизнь мальчика, родившегося на берегу реки с не менее трагичным названием – Ясачная. Тяготы ясака, смерть старших сыновей Атыляхана привели к фактическому распаду семьи. Отец и мать вынуждены были отдать и своего самого младшего сына на услужение купцам. Молодому юкагиру удалось поступить в церковно-приходскую школу.

После установления Советской власти Николай одним из первых на Колыме вступает в комсомол, но был схвачен и находился 17 месяцев в плену у белоповстанцев, от которых удалось убежать к красным. 18-летним юношей Н.И.Спиридонов оказался в Якутске и окончил одногодичную советско-партийную школу. В 1925 г. он был направлен в Ленинград на учебу в университет.

Через два года была организована научная экспедиция на Колыму и студент Ленинградского университета Н.И.Спиридонов был зачислен в ее состав в качестве сотрудника. Молодой исследователь скрупулезно собирал материалы по истории, этнографии, фольклору родного народа, написал очерки, которые вышли в 1933 г. в Ленинграде под общим названием “На Крайнем Севере” (переизданы в 1959 г. в Якутске).

В 1931 г. Н.И.Спиридонов успешно окончил этнографическое отделение университета и по совету профессора В.Г.Тана-Богораза поступил в аспирантуру Института народов Севера. В годы аспирантуры опубликовал в Большой советской энциклопедии ценнейшие статьи – “Юкагиры” и “Юкагирский язык”. В возрасте 28 лет он успешно защитил диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук по теме “Торговая эксплуатация юкагиров” и стал первым дипломированным ученым из Советской Якутии, первым среди народов Севера страны. Н.И.Спиридонов, не откладывая, взялся за докторскую диссертацию и, по свидетельству его супруги, преподавательницы химии в педагогическом институте им. Крупской, О.Н.Спиридоновой, к 1936 г. уже подготовил ее. К сожалению, о рукописи диссертации нам неизвестно ничего.

Н.И.Спиридонов, под псевдонимом Тэки Одулок (маленький одул), известен как талантливый писатель. Книга “Жизнь Имтеургина старшего” – это несомненно первое крупное произведение зарождавшейся литературы народов Севера. Она еще при жизни писателя была переведена на английский и чешский языки, выдержала три переиздания на русском языке. Таким образом, Тэки Одулок является первым северянином, произведение которого зарубежный читатель, в частности, Англии, Франции и Чехословакии, узнал еще в середине 1930-х годов.

Н.И.Спиридонов, в силу его кипучей энергии и натуры, не мог стоять в стороне от общественной жизни страны. Еще студентом он принимал активное участие в работе Комитета Севера при ВЦИК СССР, писал статьи, разрабатывал проекты программ по советизации Севера. В 1931 г. в составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома был командирован для организации Чукотского национального округа. Там он пробыл 7 месяцев. После защиты диссертации в 1934 г. работал первым секретарем Аяно-Майского райкома партии, а затем до апреля 1936 г. заведовал национальным сектором Хабаровского отделения Союза писателей СССР.

Примерно один год – последний год своей короткой жизни – ему удалось пожить более или менее спокойно в Ленинграде. 16 апреля 1937 г. он выступил на творческом заседании работников Детгиза в Москве. Речь его была яркой, эмоциональной. В ней оратор вложил свою душу, свою тревогу о судьбах народов Севера, о своем родном народе. Он говорил: “Мне хотелось показать, каким образом царское правительство уничтожило целую народность”. Ровно через две недели, 30 апреля он был арестован, обвинен в шпионаже в пользу Японии и 17 марта 1938 г. расстрелян в Ленинграде. Ему не было и полных 32 лет. Реабилитирован 29 октября 1955 г.

Переиздаваемая работа Н.И.Спиридонова “Одулы (юкагиры) Колымского округа” была опубликована в журнале “Советский Север” (№9-10, 1930, с.166-214). Она является результатом скрупулезного анализа материалов, собранных им в период работы в качестве сотрудника научной экспедиции.

В работе “Одулы (юкагиры) Колымского округа” автор рассматривает такие важные для существования юкагирского народа проблемы, как географическая среда обитания одулов, транспортные пути сообщения, торговля, товароснабжение населения и т.д. При этом Н.И.Спиридонов четко обозначил роль Охотского моря в снабжении всего населения Колымского края. Большое место в работе отведено анализу и характеристике состава населения Колымского округа – русских, якутов, эвенков и одулов. Вполне понятно, что автор иногда допускает не совсем лестные отзывы о некоторых категориях населения и даже некоторых народах. Хотя Н.И.Спиридонов подчеркивает вполне добрососедские и дружелюбное сосуществование различных этносов, все же довольно часто у него проскальзывают нотки о притеснении юкагиров, как самых обездоленных аборигенов края, со стороны окружавших их народов. И это историческая правда. Народ, задавленный нуждой, голодом и частыми эпидемиями, в результате которых подошел к краю полного исчезновения, действительно был объектом эксплуатации и обмана со стороны заезжих купцов-спекулянтов, разных чиновных людей, как в царское, так и советское время независимо от национальностей.

Н.И.Спиридонов, как вдумчивый исследователь (а тогда он еще был только студентом), обратил большое внимание на занятие и образ жизни своих сородичей. Значительное место в работе отводится охотничьему промыслу – основному занятию юкагиров на протяжении веков. Автор правильно отмечал, что у юкагиров господствует присваивающий тип хо-

зяйства. Домашнее оленеводство у тундренных юкагиров “не имеет товарного характера, а только лишь потребительский”. Как этнограф Н.И.Спиридонов оставил прекрасное описание жилища, одежды, пищи одулов. Анализ общественно-социального строя (родовые и племенные советы, семья, род и т.д.), духовной культуры юкагиров (праздники, обряды, народная медицина, фольклор, пиктографическая письменность, песни, танцы, метрология, верования и т.д.) не потерял своей научной ценности и в настоящее время. Более того, переиздаваемая работа, как очень актуальная в решении проблем юкагирского этноса, нуждается в глубоком изучении для составления стройной системы знаний об этом загадочном народе.

Представляемая на суд читателей работа Н.И.Спиридонова найдет горячий отклик широких слоев населения республики, творческих и научных работников, служащих государственного аппарата власти независимо от политической ориентации. Хочется этому верить.

*С.Н.Горохов, доцент Якутского
государственного университета*

Одулы (юкагиры) Колымского округа

РЕКА КОЛЫМА И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Географическое положение, пути сообщения

Колымский край — это северо-восточная часть Якутской АССР республики, обширнейшая территория, расположенная по долинам двух рек, Колымы и Алазеи, впадающих в Ледовитый океан, равная, по местному исчислению, около миллиона кв. км.

На всех современных картах северо-востока СССР река Колыма нанесена так: начало она берет, примерно, с северных склонов Станового хребта у 144° в.д. и 62° с.ш. и впадает в Ледовитый океан у 162° в.д. и $69^{\circ}30''$ с.ш. При этом она не имеет крутого изгиба, меняющего первоначальное направление, если не считать небольшого изгиба к востоку от устья реки Омолон, что, в свою очередь, компенсируется обратным ее загибом к западу у самого устья, при впадении в океан. Основное направление ее — прямо на северо-восток.

Общую длину Колымы дают нам простые арифметические вычисления по градусам: примерно $1.112,30 \text{ км}^1$). Не большее количество дает нам и вычисление по масштабам — около 1.275 км. Ширина Колымы — около 2-2,5 км.

Так ли это в действительности?

Над разрешением этого вопроса вряд ли кто задумывался, кроме купцов в старое время. Но и они тогда умышленно искажали географическую действительность, уменьшая расстояние, на которое им необходимо было перебросить товары. Излишки расстояния тяжелым камнем ложились на шею туземца-подрядчика, в доход — купцам и чиновникам, единственным знатокам топографии местности.

В научных центрах карты составлялись по материалам, которые давались случайно проезжавшими "начальниками" с "особыми поручениями" или "большими начальниками", т.е. губернаторами вроде Калиникова и др. В виду суровых условий полярного климата, "начальники" эти разъезжали в глухих войлочных повозках, запряженных тройкой парой оленей, т.е. числом оленей втрое большим, чем обыкновенная чукотская кочевая повозка. Давались материалы и членами различных "экспедиций". Но основной целью этих исследователей большей частью было не изучение края, а добыча мехов на шубу и воротник себе, жене и многим ближним, оставшимся там — в России.

Понятно, такие горе-исследователи, купцы, "ученые" в кавычках, всевозможные чинодралы точных научных сведений дать не могли. Правда, были и такие, которые жертвовали и своей жизнью ради науки.

Поэтому сведения даже таких исследователей, как Слюнин, Богданович, Лаптев и др., страдают большими неточностями.

В настоящее время вопрос о методах исследования топографии местности стоит остро, но пока находится в стадии предварительной разработки. Очевидно, методы исследования для различных широт и поясов будут различны. Но ясно одно: без участия и содействия со стороны самого местного населения проведение какой бы то ни было работы немыслимо.

*) Печатается по оригиналу, напечатанному в журн. "Советский Север". М., 1930. № 9-10. С.166-214.

¹⁾ Сюда входит и длина изгибов, заворотов и уклонов.

Так обстоит дело и в разбираемом нами узко географическом вопросе — о направлении и протяжении р. Колымы.

Становой хребет, по которому идет граница Якутии с Дальневосточным краем, лежит на 50-70 км южнее, чем это указывается на картах. Соответственно этому меняется и расположение верховьев рек: Яма, Оола (южный склон) и Буенды (северный склон). Из двух верховьев последней одно идет на северо-восток, а другое — на юг по направлению к верховьям левого притока р. Яма: пересекая последнюю, Сеймчано-Ольский тракт спускается прямо на левое верховье р. Ола и следует вниз.

Кроме того, нужно отметить, что этот хребет на северо-востоке переходит в Яблонный хребет (от названия р. "Яблон"), а не в Колымский отрог, который разбросан западнее, причем Яблонный хребет идет немного западнее, и реки: Капанага, Вилига, Пропащая, Широкая и др. имеют довольно длинные верховья.

Направление самой реки Колымы совершенно не соответствует указаниям на всех существующих картах Союза. Верховье имеет развильчатую форму и лежит примерно на 1° восточнее.

Направление до устья р. Негэин (немного ниже) — в основном северо-восточное. Здесь она сворачивает прямо на западо-юго-запад, делает двойной загиб в виде сильно растянутой вширь буквы С и выпрямляется лишь в 10 км выше устья реки Шойдан. На местах загиба местные жители перетаскивают лодки волоком. Такие волоки делаются в двух местах с вершин острых мысов: расстояние в обоих случаях по 15-20 км, тогда как одно огибание по воде нижнего мыса 45-50 км. С устья Шойдана Колыма направляется прямо на север с небольшим отклонением на восток до скалистой стены "Крест-пие"¹⁾ в 5 км ниже устья р. Коркодон, где резко поворачивает на запад, образуя угол примерно в 70° : дальше идет по диагонали к меридианам до "Кейнэл-пие"²⁾ в 35-40 км ниже устья р. Шаманкино. Здесь поворачивает на север, образуя угол, примерно, в 126° , огибая скалистый нос, состоящий из Охры. Таким образом, на этом участке, т.е. начиная от верховья и кончая устьем Ясачной, русло реки Колымы передвигается примерно на 300 км на восток, о чем говорят и данные расстояний от устья р. Колымы до Охотского моря, а именно: на линии Колыма-Шойдан (или Балыгычан). Вилига (или Наухан) — на Пенжинском заливе и Сеймчан-Сиридикэн-Ола (или Гохтаяма).

Река Колыма судоходна на всем своем протяжении и имеет ровное, спокойное течение. Местные жители, начиная от устья р. Ясачной и до устья р. Боролох (почти самые истоки Колымы), сообщаются на лодках. В весеннее же время, в половодье, с устья р. Сиридикэн в прежнее время сплавом спускались казенные и купеческие грузы вплоть до гор. Средне-Колымска. В засушливое лето к осени многие бурные весной притоки высыхают, и сама Колыма, разделяясь множеством островов³⁾, разбивается на притоки, что является затруднительным для плавания даже судов среднего типа (катера в 20-30 сил, баржи). Но в основном можно утверждать, что перевозке грузов на судах среднего типа вверх по реке до устья р. Коркодона возможна во всякое время навигационного периода. Точно также возможно сообщение Сиридикэном (Сеймчаном) на парусах среднего и малого типов.

1) Скала на подобие голой женщины со скрещенными на груди руками.

2) Краска (красный) камень.

3) В особенности между рр. Аллара, Сунсукан и Балыгычаном, Шоданом и Коркодonom.

До устья реки Ясачной во всякое время навигации могут ходить катера крупного типа (30-40 сил) с баржами, а в весеннее время даже небольшие шхуны. Что касается сплава грузов вниз по Колыме, то это возможно с любого пункта с хорошим берегом или устья любой реки в каком угодно количестве и размере.

Долина реки Колымы представляет собою довольно большое разнообразие. На всем описываемом участке встречаем громадные лиственничные леса мачтового типа, расположенные на низменных берегах рек. Местами берега и особенно острова сплошь заняты тополевым (и осиновым) лесом, также громадных размеров, из которых одулы выделывают лодки и делают плоты.

Во многих местах мы имеем луга и заболоченные поля (калруссы), сплошь заросшие полевыми травами, иван-чаем, осокой и хвощем. Нередко они зарастают так густо, что представляют серьезные препятствия для пешего передвижения. Во всяком случае имеется полная возможность заниматься разведением рогатого и конного скота.

На реке Ясачная, в местности Крепость хорошо растут огородные растения: репа, морковь, лук, картошка и др. Эти же овощи с большим успехом разводились в старое время в самом городе Средне-Колымске. В Балыгычане, в Сеймчане и выше по Колыме хорошо рождаются хлебные культуры: ядрица, ячмень, овес и даже пшеница (сибирская скороспелка)¹. Судя по размеру и по почве и по другим признакам, можно допускать, что и хлебопашество, в особенности огородничество, возможно на всем участке вверх по Колыме, начиная от устья р.Ясачная.

Довольно скверно обстоит дело с оленьими пастбищами. На участке между Усть-Ясачная и Коркодон по берегам Колымы их почти нет, если не считать отдельных островков. Поэтому здесь затрудняется сообщение во все зимнее время (9 мес.), а расстояние большое: около 400 км. То же самое и выше от Коркодона до устья р.Шойдан. Между последним и Сириндикэн дело немного улучшается. Отсутствие ягеля объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, берега Колымы или скалисты, или заросли ивняком, или более низменные — заливные, и во-вторых, ягельные места разрушены пожарами от огня якутских охотников. Даже невозможно заселение этих берегов. Зато моховица имеется в огромном количестве по долинам горных речек и на сухих, возвышенных местах подалее от русла р.Колымы. Есть много горных тундр, где ламуты проводят лето и зиму, живут и разводят табуны оленей. Во владениях одулов имеется много таких мест, а также пастбищ, но нет самих оленей и скота.

Длина р.Колымы по местному будет от устья, т.е. от впадения ее в Ледовитый океан: до с. Нижне-Колымск — 800 км, до г. Средне-Колымска — 550, до сел Верхне-Колымск — 500, до Усть-Коркодон — 340, до м.Сеймчан — 500, до м.Таськан — 240, до м.Санга-Голон — 270, до устья р.Нулруччу — 260 и до самих истоков, примерно, 100, всего 2 800 км.

¹) В бытность мою в Сеймчане (весна 1923 г.) я много помогал якуту Ф.Жирохову, малограмотному жителю сел.Ола, который уже два года добровольно насаждает хлебопашество. Семена через своих знакомых он достает на Алдане, землю вспахивает суковатым бревном, привязанным к упряжке быка, размельчает железной лопатой и деревянной мотыгой. Результаты — блестящи, а потому мы смогли втянуть все население к этому делу, проводили общественные сходки-беседы и т.д.

Бег собак, запряженных в санки, в низовьях Колымы, в осеннее время, равняется 13 км в час; в средней части “шаг лошади” – 4 км в час, а в верхней части Колымы “рысь оленя” – 14 км в час и “шаг” того же оленя – 2,5 км¹.

Исходя из этих данных, местное (туземное) население и выработало определение расстояний между отдельными пунктами, что до некоторой степени является правильным.

Если карты нашего времени содержат неточности в отношении таких крупных географических величин, как река Колыма, имеющая длину около 3 000 километров, то совершенно понятна та путаница, которую они вносят в расположение притоков и населенных пунктов и расстояний между ними.

Положение всех притоков Средней и Верхней Колымы коренным образом меняется с перенесением русла самой Колымы на восток – это ясно. Но я здесь укажу, что система расположения их в старом порядке, сама по себе, не соответствует действительности. Так, река Горбуновка (Верхне-Колымск) на старых картах соединяется с рекой “Буня” и образует с ней общее устье при впадении в Колыму. На самом деле реки “Буня” нет. Есть две речки: “Малая Горбуновка” и “Большая Горбуновка”. Обе речки самостоятельные и впадают в Колыму разное, с промежутком в 15 км. Еще выше – река “Поповка”, левый приток Колымы, впадает в последнюю на 10 км ниже устья р. Шаманкино, а не на 30-40 км выше. Еще указывается река “Силуй”, река “Сухуй” и река “Левден”. И между ними имеется еще несколько речек. На некоторых картах указывается еще река “Шодуан”. Все эти названия в действительности обозначают одну реку “Шойдан”, которую якуты называют “Сукуой” от русского “сухая”². Наоборот, совсем не указываются такие крупные речки, как “Балыгычан”, которая имеет крупное экономическое значение для района, и т.д.

Из громадного количества рек и речек, существующих в действительности, но по прихоти судьбы перепутанных на старых картах, я укажу на главные: Чаходан-дие-унунгие (Ясачная) – река, имеющая в длину около 400 км. Эта река известна тем, что по ее длине кочуют древнейшие из всех существующих в Восточной Сибири народностей – одулы (юкагиры). Кроме того, эта река в соединении со своим притоком Ойбан (Омулевка) прорезает горные массивы, состоящие из чистой слюды и серы. Вершины их начинаются из горной местности “Хонго”, обитаемой бродячими ламутскими родами: “делянцами”, “кункугурцами” и др., которые каждую осень, перед началом зимней охоты на белок, устраивают там сборища с деловыми сходами, увеселениями, меновой торговлей и т.д. Эта местность является исходным пунктом, откуда они отправляются отдельными семьями или группами в разные стороны или прямо на устье “Хорхогон-дие-унунгие” (Жоркодон) и дальше к ее вершинам – к Яблоновому хребту в поисках белки, а весной – дикого оленя.

¹) Исходя из расчета, что собака делает в среднем от 10 до 15 кесь в день, т.е. около 100-150 км; лошадь 3-5 кесь в день; олени по дороге или в малоснежное время делают от 8 до 20 кесь в день, в снежное время всего 2-3 кесь в день или 20-30 км.

²) Ламуты называют “Буксу” или “Буксунда”.

От "Хонго" недалеко отстоит громадная тундра, именуемая "Чистая". Сюда сходятся на лето почти все роды бродячих ламутов с верховьев рр. Ясачной, Колымы и Индигирки, оленеводы и безоленные находят приют и теплый очаг у стад. Другая река — Хорхогон-Унунгие (Коркодон), также приютившая у себя вытесненных и полуистребленных одулов (юкагиров). Она не такая длинная, как это указывается на картах, а довольно короткая и с загибом вершины на северо-востоко-север.

Третья река — Шойдан-унунгие (или Буксу), 100 км выше устья р. Хорхогон. Она имеет длинную вершину, заходящую под самым западным склоном Яблонового хребта на северо-востоко-север, далеко от верховьев р. Омолона, которые в свою очередь лежат восточнее вершин р. Хорхогон. Левые вершины Шойдан расположены как раз напротив вершин противоположной системы рек, впадающих в Гижигинский залив Охотского моря — Вилига, Широкая, Таватум и Наяхан.

Четвертая важная река — это Балыгычан, 70 км выше устья Хорхогона по прямой линии. Эта река замечательна тем, что является прямым путем с рекой Вилига, т.е. с Гижигинским побережьем.

И, наконец, пятая крупная река — это Буенда и шестая — Сириндикен, где в данное время разрабатывается золото какой-то артелью с двумя американцами во главе. Эта артель, между прочим, субсидируется Ольской факторией Дальгосторга.

Пути сообщения на старых картах совсем не указаны или указаны произвольно — пункты соединяются линиями точно так же, как это делал и в свое время царь Николай, когда приказывал построить железную дорогу между Петербургом и Москвой; только последний это делал при помощи линейки, а старые картографы — просто от руки, и потому получались невероятные изгибы и завороты.

Верховья Колымы соединяются уже давно с Охотским морем тремя трактами:

1) Сеймчан-Ола. Это путь идет из Сеймчана по ложбинам гор между р. "Буенда" и речкой "Сириндикэн", спускается на р. "Мамыт" (левый приток Буенды) и идет по ней до самых ее вершин. Оттуда, переваливая хребет того же названия, спускается по р. Буенда по притоку "Сулахы", отсюда путь идет от притоков к притокам и их вершинам; переваливает хребет "Мамыт-сихе" и, спускаясь на левую вершину "Буенды" — "Эльгэн", идет до самых ее вершин. Здесь — перевал "Кыдын-сихе", т.е. Станового хребта. По ту сторону его путь спускается к одной из вершин р. Яма — "Май-Бачан", следует по ней до устья, пересекает р. Яма и, поднимаясь по правому притоку последней "Дуондачан", переваливает "Нуксихе", спускается по р. Кирчик (приток р. Ола) и следует по ней до р. Ола и вниз до моря (с. Ола). Расстояние — 750 км или две недели езды верхом на лошадях летом, а зимой — на оленях. Этот тракт замечателен по своим качествам: почва глинистая, твердая; травы — корм для лошадей — растут в изобилии, нет ни крупных перевалов, ни остро-каменных речных долин, которые сбивают лошадям копыта, ни особенно крутых и быстрых рек, требующих переходов вброд, ни топких болот. А если и встречаются, то не так значительны, чтобы особенно затруднять передвижение.

2) Балыгычан - Вилига. Этот путь идет от устья вверх по р.Балыгычану до устья "Диегин", ее правого притока, и следует по последней до самых вершин, где переваливает хребет "Диегин-сихе" и спускается в низину - систему речек, впадающих в реку Шайдан с левой стороны. Здесь, переходя две речки - "Хигник" и "Омчукчан", переваливает "Кыдын-сихе", т.е. Яблоневый хребет, откуда спускается на левую вершину р.Вилиги, следует до самого ее устья - в осеннее время, когда воды в реке мало, - или, переваливая недалеко от ее устья хребет "Алын-сихе" по левую сторону, спускается на речку "Пропащая" и идет по последней до устья, т.е. до моря.

Расстояние - 650 км или около 12 дней пути. Для малознающих этот тракт является более суровым и трудным, чем первый. Трав мало, грунт или болотистый, или острые камни. И сам хребет "Кыдын-сихе" такой: с запада на восток поднимаешься незаметно, а потом - обрыв. Кроме того, речки первого тракта изобилуют рыбой, тогда как в здешних речках рыбы нет. Последнее обстоятельство исключается для речек, текущих с восточных склонов "Кыдын-сихе" и впадающих в Гижигинский залив; в осеннее время по ним поднимаются кета и горбуша и заполняют сплошь все реки и речки.

Зато для знатока этот тракт имеет все преимущества, которые дополняются знанием всех названий рек и гор, всех стойбищ оленных ламутов, а также мест, где оставляются тысячные стада на лето.

Эти два тракта, и в особенности последний, были открыты лет сорок тому назад якутом Седер и юкагиром Силюкин. Водный путь от Сеймчана до Хорхогона был открыт также ими, а ниже - до Верхне-Колымска и Средне-Колымска - одулами.

3) Усть - Шайдан - Широкая и Наяхан. Этот путь идет вверх по р.Шайдан до р."Нэутек", от вершины которой, перевалив "Кыдын-сихе", т.е. Яблоневый хребет, спускается к вершинам р.Широкая. Следуя еще выше по Шайдану, можно спуститься также прямо к вершинам р.Наяхан и вниз до сел.Наяхан.

С верховья Диегин можно спуститься и по Омчукчану на Шайдан и следовать до р.Широкой или Наяхан, или в обратном порядке, поднимаясь с устья по Шайдану, следовать по Омчукчану к верховьям р.Вилига или Кананага¹.

Этот тракт является преимущественно зимним, оленным. Ездить по этим трактам можно со стороны Колымы на оленях - зимой, и на лошадях - летом; а со стороны моря - осенью на собаках (от Олы, - осенью на собаках (от Олы, Наяхана) и в остальное время - на оленях.

Эти тракты до настоящего времени не утратили своего первенствующего значения в отношении связи с внешним миром и в первую очередь в деле снабжения товарами фабрично-заводского производства. Это понятно, ибо население рек Сеймчан, Таськи, Хорходон и т.д. и все туземное ламуто-юкагирское население верховьев Индигирки, Чахадан-унунгие, Колымы, Хорходона и т.д. не имеет не только экономической, но даже административной связи со своим окружным центром. Ламуты, начиная с правых притоков верховьев Индигирки, Чахадан-унунгие и т.д., спускаются прямо на устье р.Хорхогон и следуют до западных склонов Яблоневского хребта, где имеют возможность сбывать добытую пушнину в обмен на чай, табак, и огнеприпасы. Потом, на лето,

¹) р.Вилига по местному будет Ньиргилэн, р.Пропащая - Алын, р.Широкая - Элэуям.

опять возвращаются в тундру "Чистая" до осени. Другого исхода нет. Точно так же и якуты верховьев Колымы ежегодно по два-три раза совершают поход на Олу¹, Ямск, Тауйск за товаро-продуктами, которые приобретаются у Дальгосторга (ныне АКО) в обмен на добытую ими самими или на приобретенную у ламутов и одулов пушнину.

Лет сорок тому назад, после открытия Сеймчано-Ольского тракта, закрылся крупный троп, по которому перебрасывались грузы (главным образом, мука, масло, и водка) в Колымский край из Охотска через Оймекон и Кыхыл-балыктах на 300-400 лошадях за раз. Сеймчано-Ольский тракт в силу своей выгоды и удобства сделался трактом государственным. Выгода и удобство выражались в том, что грузы очень легко перебрасывались на очень малое расстояние — до Станового хребта — осенью на собаках и оленях, а оттуда до Сеймчана их переправляла другая смена — ламуты на оленях — зимой и весной. В Сеймчане строились огромные паузки с грузоподъемностью 4-10 тысяч пудов и с песнями сплавлялись вниз — до Верхне-Колымска, Средне-Колымска и ниже. Все это стоило очень дешево и было легче, чем перевозка по прежнему тракту на таком огромном количестве лошадей на 2-3-тысячеверстное расстояние. Один человек может обслужить 20 нарт оленей, на которых можно провезти 200 пудов груза. В случае же перевоза на лошадях один человек может обслужить только 8-9 лошадей, на которых можно навьючить 48-54 пуда груза. Кроме того, олени не требуют такого ухода, как лошади, да и содержание стольких людей при прежнем тракте (40-50 человек) обходилось очень дорого. При новом тракте является полная возможность переброски грузов в неограниченном количестве, тогда как прежде переброска грузов зависела и от наличия лошадей и от времени года (зимой на лошадях по целине ездить нельзя), от урожая трав и т.д.

В период существования этого тракта население края — ламуты, юкагиры, якуты и др. особенной нужды в товаро-продуктах не имели, да и цены были подешевле, и, кроме того, любой человек мог заработать на перевозке.

Но после открытия Северного морского пути в 1911 г. и этот тракт заглох и остался исключительно в виде частно-купеческого коммерческого тракта.

Северо-морской путь неудобен еще и тем, что снабжает исключительно русское население и только прибрежную Средне- и Нижне-Колымскую часть якутского населения. Товары доходят через третьи руки, через агентов, доверенных и т.д. по утроенным ценам. Многие же юкагиры, ламуты и отдаленные беднейшие якуты совсем не имеют никакого снабжения. Так, например, в 1927 г. в районе верховьев Колымы и вплоть до 1928 г. в районе "Томус-хая", "Коркодон" и др. дальгосторговские и якутторговские товары продавались:

16 кг соли.....	30	белок
400 гр. листового табака.....	6	—"
1 кирпич чаю.....	10	—"
1 кусок мыла (яичного).....	5	—"
1 коробка спичек.....	3	—"

¹) Другой тракт на Олу идет с м.Санга-Голон по р.Баганчы.

О ценах на огнеприпасы и на другие товары первой необходимости я не упоминаю.

Северо-морской путь, будучи зависимым от условий погоды и состояния льдов, не может выполнить больших задач, которые не него возлагаются.

Ставя задачей развитие охоткооперации или вообще интегральной кооперации, туземцы и якуты верховьев Колымы имели бы возможность развить ее у себя только при условии использования этих чрезвычайно удобных и надежных трактов, связывающих с теплым морем.

О других трактах как-то: Омолон-Гижига, Анюй-Островное-Анадырь, я не упоминаю, ибо это не входит в задачу настоящего очерка.

НАСЕЛЕНИЕ КОЛЫМЫ

Русские

В XVII столетии казаки Дежнев (1643-44 гг.), Стадухин, Бетлинг открывают еще "неоткрытые земли", населенные "разнородными и разноязычными дикарями" в "звериных покровах" — районы Колымы и Индигирки. Эти "покорители края", люди "неукротимой храбрости и стихийной инициативы", подразделялись на три категории:

1) чисто военные, т.е. казаки, огнем и мечом захватывавшие земли, населенные "иноверными инородцами", и облагавшие их ясаком (данью) для обогащения "государственной казны";

2) люди чисто коммерческие, т.е. купцы, которые шли сюда со всевозможными товарами, с водкой и с вооруженной силой. Они сначала торговали с туземцами, спаивали их, забирали всю пушнину (меха пушных зверей, главным образом меха соболя), а затем облагали их ясаком;

3) промышленные люди, которые пришли сюда сами охотиться на соболей и быть посредниками в торговле и скупке пушнины между купцами и туземцами. В начале они по своему укладу жизни вполне соответствовали трапперам Северной Америки, но впоследствии осели и образовали так называемые "мещанские общества" с самоуправлением, возглавлявшимся старостой.

Завоеватели-казаки и промышленные люди, начиная с первых же дней после покорения края, сближались с туземным населением, с одулами посредством браков или просто поселялись навсегда по долинам рек, где легче всего добывается рыба. Разведение оленей и скота им не было известно. Они отвыкли жить оседло. Реки одновременно служили удобными путями передвижений в поисках добычи и наживы.

В дальнейшем они усвоили всю материальную культуру туземцев, их методы охоты и рыболовства, а езда на собаках, перенятая у одулов, даже получила у них дальнейшее развитие в виде целого ряда технических усовершенствований. И духовная культура туземцев (одулов) также своеобразно смешивалась с древнерусскими представлениями о природе и о духах, населяющих ее. По представлению одулов духи умерших сородичей носятся вокруг их жилищ. У русских аналогичный дух называется "еретник", т.е. грешник. Он не принят землей, а потому он

превратился в злого духа, демона, который способен только на злые дела. У одулов шаманы имеют сношения с духами. Русские спасаются от "еретника" при помощи своих колдунов или священников. В целях общения с "лешим", т.е. с духом — покровителем охоты, русские женщины перелетают через реку Колыму (имеющую 3 км в ширину). При этом крыльями им служит сарафан. "Лешему" они отдаются как любовницы и выпрашивают у него пушнину и звериных духов. Между прочим, факты открытого сожительства русских женщин с туземцами, главным образом с чукчами, из-за получения пушнины или оленя встречаем повсюду. И это предосудительным не считается.

Потомки казаков-завоевателей до 1920 г. получали содержание — "пай" от правительства за подвиги и храбрость их дедов и прадедов. О выгоды положения казачества на севере говорит и тот факт, что царское правительство имело в лице казачества не менее верных слуг престола, чем их предки. Они исполняли роли полицейских, жандармов и т.д.

В настоящее время они населяют побережье р. Колымы от Походска до заимки "Горохово" — в 80 км выше города Средне-Колымска. Занимаются они исключительно рыболовством и собаководством. Но, не желая и не умея работать, русские поречане стараются найти себе более легкое и выгодное занятие. Жадность к "рухляди" не менее ценной, чем лучшее американское золото, сказала и на их потомках. В блеске ворованных штывков и лязге отобранных у охоткичьего населения ружей казалось, что вернулись давно минувшие, обросшие мхом столетий времена грозных бородатых "соболяков"¹, т.е. первых покорителей края, предавших туземные селения и стойбища огню и мечу ради добычи шкурок соболя.

Но эти счастливые для них времена прошли: с 1925 года установилась советская власть.

В этой местности, где нет промышленности, снабжение населения привозимыми продуктами является делом особо ответственным и выгодным для занимающихся им: в условиях далекой окраины аппарат госторговли мог бы стать благодарным проводником идей соввласти. В действительности же вся торговля с местным населением находится в руках местных русских. Это и понятно. Обороты торгового отделения со всей сетью факторий или агентур равняются миллиону с лишним рублей в год; из центра же вместе с товарами прибывают один-два человека, а край такой обширный и разноязычный, что, естественно, нужны какие-то посредники в деле обмена товаров на пушнину. Этими-то посредниками и сделались местные русские, которые по сравнению с окружающими их туземцами стоят на более высоком уровне развития. Кроме того, и для всей работы — кооперативной, культурно-просветительной — на окраинах нужны грамотные люди. Поэтому грамотные, хотя бы в пределах церковно-приходской школы, русские поречане захватили и эти места.

Такова роль и деятельность этих людей, пользующихся отсутствием в крае культурной силы.

¹) Русских называли нохшочго — от слова нохшо (соболь) или англу, т.е. грозный, сердитый, страшный, или просто зушки.

Ламуты пришли сюда еще до якутов и русских со стороны Дальнего Востока, двигаясь по побережью Охотского моря. У верховьев рек, к востоку и северо-востоку, они столкнулись с обитавшими там оленными коряками, с которыми и воевали до последнего времени, вытесняя их все дальше и дальше на северо-восток и оттуда на Камчатку и на Анадырь. Их победа обуславливалась тем, что ламуты обладали более высокой культурой — культурой железа и были чрезвычайно легки в своих передвижениях, используя оленя, как верховое животное, тогда как коряки со своими тяжелыми юртами, со всем домашним скарбом и большими табунами оленей были лишены возможности продвигаться быстро и незаметно.

До прихода ламутов коряки укрепились в районе одулов на Шайдане, Коркодоне и Талбу. Иногда даже, миновав коркодонских одулов, они появлялись на верховьях р. Поповки и Ясачной. Но это было сопряжено с громадным риском, ибо они попадали в кольцо своих врагов — одулов. Но тем не менее они разгоняли зверей, истребляли все, что встречалось на пути. Это вело к войне, так как тогдашние одулы, уверенные в превосходстве своих сил, давали корякам достойный отпор. Но в дальнейшем племена одулов были обречены на гибель, так как со всех сторон их теснили враждебные народности: с запада, с юга и севера — якуты, русские, ламуты, с востока — коряки и с северо-северо-востока — чукчи.

Впоследствии ламуты частью расселились по всему Охотскому и Гижигинскому побережью, а частью (ламуты и тунгусы) осели в горных районах, где имеются и тундры для разведения оленей и белка для охоты.

Большинство из них не оставалось долго на одном месте, а вело кочевой, вначале даже и бродячий образ жизни. Зимой они занимались охотой на материке, а летом спускались на берег моря, к истокам рек, куда заходит рыба метать икру. Одна группа ламутов кочевала по следующему маршруту: летом — побережье моря — устья рек Ольско-Гижигинского побережья (Ола, Яма, Котанга, Вилига, Широкая, Наяхан и др.) — ловля кета и горбушки; осенью — на Яблоновых хребтах — охота на белку и дикого оленя; зимой — западные склоны хребтов — Колымские горы и верховья рек Колымского бассейна¹ — охота на белок, ловля пастями (ловушками) зайцев и куропаток и весной — на средних течениях рек — ужение рыбы. Другая группа движется им навстречу с запада. Летом конечным пунктом служит "Большая Мола" или "Чистая" — необъятная тундра, находящаяся в треугольнике между верховьями Индигирки, Колымы и Ясачной. Сюда сходятся все ламутские роды. Оттуда, с наступлением осени, большинство движется на восток, к верховьям Ясачной и Сеймчана, Поповки и, переходя Колыму, между низовьями Коркодона и Шайдана, направляются к Яблоновому хребту. На западных склонах этого хребта они встречают гижигинских ламутов, которым они дают свою пушнину и берут чай, табак и порох, доставленные на пароходе из г. Петропавловска-на-Камчатке или из г. Владивостока (раньше эти товары доставлялись из Японии и Америки). Затем, к весне они опять возвращаются к Б.Мола или сворачивают на север и остаются на лето где-нибудь на горных тундрах. Так живут ламуты.

¹) Шайдан, Коркодон, Шаманино, Малая Горбуновка, Ужедин, Березовка, Омолон.

Ламуты принесли в этот край культуру Дальнего Востока, китайскую, которая до этого подвергалась изменению и преломлению у маньчжуров, удэ, гольдов, гиялков и др. И если в развитии чукчей сыграла большую роль культура Америки, переданная через эскимосов (айванов), то в "развитии" одулов сыграли роль вначале ламуты, а потом русские, как носители новой, неизведанной культуры.

Те побрякушки, украшения и амулеты, которые находили у одулов (у ламутов), всевозможной формы — развилчатые, лапистые, хвостовые — не что иное, как изображения морских обитателей (крабы, спруты) и "обитателей" земли — драконов, тигров и т.д. Юрта конической формы, сшитая из оленьих выделанных кож, принесена ламутами. Раньше одулы жили только в шалашах, сделанных наспех из стволов ивы или веток лиственницы, осины или белого тополя. Они носили одежду, сшитую из одной шкуры оленя, так что спинная часть шкуры приходилась на спине, шея образовывала воротник, обрезки шли на рукава. Орнамент из бисера, из разноцветных лоскутков и страсть одулов к ярким цветам — все это явление или влияние Д.В. Самая охота на белку, употребление ее мяса в пищу, приготовление из беличьих хвостиков ошейника и многие явления материальной и духовной культуры указывают нам на перенятую, но неизвестную до сих пор культуру, берущую начало с Д.В.

Поздний период характеризуется явлением, присущим северу: смешение ламутов с коряками, одулами, тунгусами, чукчами и тундренными одулами. Смешение происходит даже с якутами, хотя все туземцы к ним относятся с некоторым страхом. Иногда это смешение носит и случайный, импровизированный характер. Так, например, якутский кулак Петюкан из селения "Оттур-кель", желая воспользоваться льготами и особым вниманием, которые оказывала советская власть туземцам, записался в Доллянкинский род ламутов. И так как он был развитее их и вдобавок обладал богатствами и ламутам был знаком, как крупный купец, то его выбрали старостой, т.е. как раз тем, кого красные не совсем любили из-за того, что старосты, обычно, имели тесную связь с купцами и белыми офицерами. И Петюкану пришлось оттуда бежать, оставить этот высокий и в старое время чрезвычайно доходный пост и сделаться опять якутом.

Но в большинстве случаев смешение является более действительным и более прочным. Так, в низовьях Колымы (на Омолоне, на Анюях, на тундре) кунтугурцы (тунгусы) смешивались с одулами настолько, что почти потеряли свой язык. Так, и Балаганчик и деллянцы — горные ламуты, смешавшись с Омолано-Аньюйскими одулами, переняли уклад последних и даже часть из них утратила свой язык и облик.

Своеобразная экономическая структура края породила у ламутов, чукчей и коряков большую классовую дифференциацию. У них образовалось нечто вроде удельных княжеств, появились своеобразные приполярные феодалы, оленные короли. Чукча Араро на западной тундре между низовьями Колымы и Алазеи имеет около 30 тысяч голов оленей и около 50 человек батраков. Чукча Веникано — на восточной тундре, к востоку от низовья Колымы — 50 тысяч голов оленей и около 70 человек батраков (пастухов). У старика Илани на "Б.Мола" — 30 тысяч оленей и 50 пастухов-батраков. У старосты ламутов Балдахынова — около 20 тыс. оленей, у ламута Афан. Трохалева и слепого старика Кирилла — по 5 тыс. оленей и по 30-40 человек пастухов и 20 чел. батраков. Батраки ловят для хозяина рыбу, которую последний летом продает рыболовным парохо-

дам, а зимой кормит “своих людей”, ибо мясо оленя из своего табуна дорого и считается роскошью. Начиная с осени и кончая весной, часть батраков со своими семействами отправляется на хозяйских оленях, и с хозяйскими ружьями на охоту за белками (у чукчей или тундр, тунгусов — за песцами). Вся добываемая пушнина является собственностью хозяина. Батраки же получают скудное пропитание, которое дополняется мясом белок собственного убоя, зайцами и куропатками. Жалованья им не платят, так как ими не дорожат: если они и уйдут, так найдутся другие. Но уходить некуда — кругом мертвая снежная пустыня, и туземец, не имеющий оленей, юрты и ружья, осужден на смерть.

Батраки являются ответственными перед хозяином за целостность живого и мертвого инвентаря и потому бывают вечно у него в долгу.

В таких условиях, лишённые предметов первой необходимости, живут несколько тысяч человек.

Якуты

Колымский округ населен также якутами, поселения которых расположены между Алазейским хребтом на западе, границей лесов на севере и селением “Оттур-кель”¹ и составляют один улус².

Совершенно особое положение занимают якуты верховьев Колымы и ее притоков.

Северной границей внештатных, так сказать, якутов, только формально входящих в состав улуса, является селение “Оттур-кель”, расположенное на вершине треугольника: Верхне-Колымск (“крепость”) — Оттур-кель — 30 км и Оттур-кель — Кырбыай (р.Ясачная) — 20 км.

В этом районе имеется еще несколько поселков, одиноко раскинувшихся вокруг пастбищ или, сенокосных лугов. Так, в 30 км к юго-западу имеется одно семейство — Ивана-Бачыкыр-уола; выше от “Кырбыая” в 20 км по р.Ясачной — “Омук-арангастах” — 4 семейства; Прорва — в 10 км от В.Колымска — 3 сем.; “Ирелэх” в 10 км к западу от В.Колымска в пути к “Оттур-келю”. В последнем 11 семейств, или 64 д. обоего пола. Во всем этом районе живет 123 якута³. Они разделяются на два наслега: 4-й Мятинский (Мятюжский) и 1-й Байдунский. При чем каждый из них разделяется на отцовский и материнский род. Некоторые названия родов Мятинского наслега будут: “Тимирикэн-уха” (род железа), “Барах-уха” (род вальдшнепа), “Суорданай-уха” (род ворона) и др.⁴ Этот наслег более богат и более многочислен, чем Байдунский, а потому является господствующим. В дальнейшем подробно остановимся на вопросе о смещении с одулами (см. табл. ниже).

¹) В 30 км (выше по Ясачной) от с.Верхне-Колымск.

²) “Наслег” включает в себе по десяти отцовских и материнских родов (Агауха.....уха) или столько же поселков зимних и летних. В каждом роде 20-30 чел. В Колымском улусе насчитывается около 11 наслегов.

³) Статистические данные были собраны в начале октября 1927 г. в период, когда не все еще съехали на зимовку в Оттур-кель.

⁴) К сожалению, более древние названия частью позабыты, а частью еще недостаточно изучены мною в материалах, а потому ограничиваюсь общей характеристикой.

Следующая группа расположена в районе р.Балыгычана с центром в Приустье, приблизительно в 200 км выше устья реки Коркодона. Всего здесь 174 души. Из них в устье р.Негэин в 40 км ниже устья Балыгычана (по Колыме) – одно семейство или 3 человека.

В устье р.Булун приток р. Балыгычан в 100 км от устья 2 сем. или 12 ч.
 * * Дэгин * * * * * 170 * * * * * 1 * * * * * 6 *
 * * Елги * * * * * 210 * * * * * 1 * * * * * 1 *
 * * Киччэн * * * * * 28 * * * * * 4 * * * * * 4 *
 самом устье р.Балыгычана . . . . . 5 * * * * * 25 *

Эта группа и ряд следующих групп якутского населения верховьев Колымы и ее притоков занимает особое положение, не сходное ни с каким из существующих положений в якутских улусах и наслегах. В улусах и наслегах якуты имеют свой совет и исполком: пастбища и места рыбной ловли подвергаются разделу. У них налажена также культурная, политическая и торговая связь с внешним миром. Несмотря на свою отсталость и невежество, они живут настоящей организованной жизнью.

№№ по пор.	Название поселков	Расстояние от В.Колымска	Число семей	Общее число		Принадл. к наслегу	Примечание
				м.	ж.		
1	Ирелех.....	10 км к западу	2	5	5	Мятинскому	Сюда же вошел Магыкыроула Иван
2	Моторхун..	10 км к югу	1	1	2	Байдунскому	
3	Оттур-кель	30 км туда же	10	29	35	Байдунск. 14 челов., остальные мятинцы	
4	Прорва	10 км вверх по Ясачной	3	7	5	Мятинцы 2ч., остальные Байдунского	
5	Омукарангастах	40 км вверх по Ясачной	4	15	19	Мятинцы	
			20	57	66		

1 2 3 души

Совершенно обратное мы видим у якутов, населяющих верховья р.Колымы и ее притоки: совета нет; пастбища и сенокосные луга заняты скотом богача; никакой связи с внешним миром не имеется. Только изредка, один раз в год, местный богач, собрав всю пушнину у окрестных жителей, съездит на Гижигинское побережье за чаем, табаком и порохом.

В Балыгычане на все 74 души якутов имеется один богач – Содэр. Он имеет более 30 голов крупного рогатого и конного скота, а его старший сын, Григорий – 15. И большинство населения устья является его батраками: они косят сено, ухаживают за скотом и за оленями, а осенью и зимой охотятся его припасами за пушным зверем: белкой, красными лисицами, горностаями, медведями и выдрами. Так же, как и безоленные

пастухи у ламутов и чукчей, бедные бесскотные якуты не могут обойтись без своего "отца". "Отец" им привозит чай, табак, ситец и порох. Расчет не бывает, сколько даст — ладно. Во всяком случае, пока он сам пьет и курит, будут пить и курить все. Этот закон, правда, выполняется, но несколько в ином порядке. Все привезенные товары "отец" отправляет со своим старшим сыном или везет сам к коркодонским одулам, ламутам, которые прикочевали с запада на реку Шойдан, но не нашли богатых ламутов с товарами, или к гижигинским ламутам, у которых весь запас товаров и огнеприпасов вышел, и, наконец, направляется к верховьям р.Балыгычана — к якутам, откуда спускается на р.Буенда, тоже к якутам, и, собрав пушнину в обмен на чай порох и т.д., едет в Сеймчан, откуда, если местные богачи не успели завести с Олы или Ямска товары, едет в м.Таськан и дальше. Затем возвращается весной по половодью в Балыгычан к своим с собранной пушниной. В удачные годы и при благоприятных обстоятельствах он набирает до 20000 шкурок белки, несколько сот лисиц, около 1000-2000 шт. горностаея, около полусотни шкур выдр и несколько десятков шкур росомахи, волка и рыси¹. В общем на 20-30 тысяч рублей.

Старик Содэр торгует и самой пушниной. Так как ламуты лисиц, выдры, росомахи и рыси не убивают, а охотятся только на белку, то спекулянты обменивают шкуры красных зверей на шкуры белок с такой пропорцией, чтобы стоимость обмениваемой шкурки лисицы и др. зверя вернулась к ним в 10-кратном размере². Для ламута (или чукчи на тундре) такая расценка бывает совсем не страшна, ибо он может убить в 1-2 дня ровно столько белок, сколько дает, скажем, за шкурку лисицы, а красный мех у них считается большой роскошью.

Старик Содэр, как природный якут, больше уважает породистых полярных лошадей, чем упряжных оленей, — эту "снежную метель". Олени доставляют слишком много хлопот: то порвался ремень с привязанного на шее обрубка бревна, и оленя поминай, то угнали дикие олени, задавили волки; с лошадей гораздо спокойнее, а сено для них наносят ребята. Лошадей любят также и другие якуты-богачи, так как чем больше имеешь скота, тем больше имеешь возможности ездить за товаром, хотя бы за 1000 км, а товары и звание купца обеспечивают богатство и всеобщее уважение и почет.

Бесскотные же якуты ведут точно такую же жизнь, как и их собратья по классу — одулы и ламуты: летом и осенью питаются рыбой, а остальное время живут охотой. Как и охотники-одулы, они спят в зимние трескучие морозы под открытым небом в снегу, питаются беличьим мясом, добывают огонь кремнем и также зависимы в своем существовании от случайностей охоты.

Третья группа расположена в районе Сеймчана "ухе-Суксукан" в 150 км от устьев Балыгычана, вверх по Колыме, в Мукэттэгэр — 1 или 7 чел.

"Чалбата" в 30 км выше от Мукэттэгэр по Колыме.....	1 сем. или	5 чел.
"Момутукан" по р.Буенде в 40 км от устья.....	1	» » 3
"Сойкучан" выше "Момутукана" в 100 км.....	1	» » 3

¹) 1 шкурку лисицы 3-го сорта или "дефект", стоящую всего 5 р., белка — 1 р. 50 к., горностаея — 2 р., выдра — 50-60 р., росомаха — 15 р., лисица — 23 р., медведь — 15 р., рысь — 25 р. (по средней расценке)

²) Шкурку лисицы 3-го сорта или "дефект", стоящую всего 7 руб., обменивают на 30 белок, т.е. берут стоимость, увеличенную в 10 раз.

Эта группа отличается особенной бедностью, как и жители верховьев Балыгычана (табл. ниже).

Наконец, приблизительно в 300 км выше устья р. Балыгычан по р. Колыме расположился самый Сеймчан. Здесь по обеим сторонам речки "Сеймчан" и за речкой "Элгек" обитают скотоводы-охотники в количестве 15 сем. или 73 чел. История Сеймчана начинается историей грозного шамана Кункуй-ойун, т.е. шаман-пещера. Этот Кункуй, живший лет полтора ста тому назад, бежал из окрестностей Якутска сначала на Оймекон (верховья Индигирки), а оттуда с верховья Колымы — в Сеймчан. Сеймчан тогда не был известен еще никому, и он обосновался здесь со своим семейством и батраками, так как здесь имелись обширные пастбища и луга, еще никем не тронутые, и со своим скотом, который пригнал с собою в количестве 50 с лишним голов. Здесь он поселился спокойно, — здесь ему никто мешать или, вернее, преследовать его не будет.

В дальнейшем, поселение Кункуй-ойуна стало пополняться такими же беглыми семействами, провинившимися в чем-либо перед родом, или богачами, в последнее время бежавшими от налога.

№№ по пор.	Название населенного пункта	Расстояние от ближайшего центра	Число семей	Общее число жителей		Гол. скота. (кр.)	Примечание
				м.	ж.		
1	Усть-Балыгычан ...	кругло 200 км от Усть-Кор-на	5	12	13	68	Из них 42, принадл. Содэру и его сыну. В первую весну они пересел. в Усть-Балыгычан
2	Нэреин.....	40 км от Усть-Бал-на ниже	1	1	2	4	
3	Булун.....	в 100 км выше от устья по Балыгычану	2	5	7	4	
4	Дьэгин	70 км от Балыгычана	1	4	2	3	
5	Элги.....	40 км от Дэгин	1	1	—	—	
6	Киччэн.....	70 км от Элги	2	5	4	6	
7	Ухе-Суксукан	150 км от устья Бал-на вверх по Колыме	1	3	4	4	
8	Чалбара.....	30 км от Усть-Суксукана	1	4	1	—	
9	Момутукан ...	40 км от устья вверх по р.Буенда	1	2	1	—	
10	Суопкуччан ..	100 км выше	1	1	2	—	
		Итого	16	38	36	89	
		Всего жителей	—	74 ч.		—	

В 200 км от Сеймчана по прямому пути, вверх по Колыме, на среднем течении реки Таськан, имеется селение того же названия. Здесь 14 семей, или 82 чел. Этот поселок до 1911 г., т.е. до открытия северо-морского пути, связывающего устье р.Колымы с Владивостоком, примыкал к Сеймчану. Государственный тракт, по которому из селения Ола перебрасывались грузы в Колыму, проходил через Сеймчан. Сюда грузы доставлялись на оленях, а дальше до г.Средне-Колымска они сплавлялись на больших, специально здесь построенных кунгазах или паузках. Отправка большого количества тяжеловесного груза (чай, табак, свинец, водка и т.д.) требовала много, около сотни и больше, рабочих рук. Вот сюда-то на заработки и шли жители Сеймчана и Таськана; сюда же приходили и с Оймекона и с Алдана.

Много бескотных бедных якутов оказались без заработка и без крова после закрытия этого тракта.

В данное время местное кулачество – старик Мэттэх со своим сыном Петука и К^о – привозит на своих подводах из Олы товары и продает и обменивает их также, как это делает Содэр и др. Район их действия далеко заходит за пределы обитания их односельчан. Верховья р.Ясачной, горная местность “Конго” и “Большая Мола” – все это служит источником, откуда Мэттэхи черпают свои неиссякаемые барыши.

В 280 км выше по р.Колыме имеется обширный район пастбищ и лугов, где расположилось якутское селение “Санга-Толон” в 6 семейств, или 26 человек. За ним, в 60 км – “Тенке” – 6 сем. или 15 чел. В 60 км отсюда – “Оротун”, 9 сем. или 43 чел. Еще дальше “Сордогнох” и затем “Берелех” – 4 сем. или 15 чел. Здесь кончается Колыма (вернее начинается), вплотную подходят Становой и другие хребты и начинается Оймеконское плоскогорье.

№№ по пор.	Название населенного пункта	Расстояние от ближайшего центра	Число семей	Общее число жителей		Гол. скота. (кр.)	Примечание
				м.	ж.		
1	Сеймчан	300 км выше по Колыме от Коркодона	15	3	37	250	Попову, сыну Метхэна, приходится 40 гол.
2	Таськан	200 км от Сеймчана	14	49	33	181	Из них на стар. Мэттэха прих. около 50 гол.
3	Санга-Толон..	280 км от Таськана	6	13	13	40	Из них Н.Туюну приход. 50 гол.
4	Тэнкэ	60 км	6	8	8	77	
5	Оротун	60 км от Тэнкэ	9	22	22	309	Из них П.Протопопову 150 гол.
6	Сордогнох.....	40 км от Оротун	4	8	8	10	
		Итого	54	136	119	867	
		Всего жителей	-	255 ч.		-	

Народность одул (юкагиры)

Исторические сведения

О становимся более подробно на палеоазиатской народности одул, ныне вымирающей. Эта народность, по данным XVII века, ко времени завоевания ее русскими и якутами занимала территорию довольно обширную: начиная с самых низовьев р.Лены, весь бассейн р.Омолон, Яны, Индигирки, Колымы, верховьев р.Гижига и кончая р.Анадырь. Затем, в течение двух столетий со времени покорения их, одулы истреблялись и вытеснялись завоевателями в самые отдаленные и захолустные уголки их бывших владений. Естественно, одулы должны были отступить в полном беспорядке, ища защиты и приюта в дебрях северной лиственничной тайги, на вершинах рек или в необъятных пространствах прибрежной тундры. Тут мы их встречаем небольшими группами, объединенных в небольшие племена на больших расстояниях в 500-1000 км друг от друга в низовьях Омолона, низовьях Индигирки и Алазеи, Колымы и Омолона, на Анадыре и на Коркодоне.

Об исторических судьбах этой народности пока что не приходится говорить. Упомянем только о том, что фольклор одулов говорит о завоевании их русскими казаками, с одной стороны, якутами — с другой.

Так, по одному преданию, русские пришли со стороны верховьев Колымы, спускаясь по последней на лодках или на плотках. Однажды летом на устье Коркодона (правый приток верховьев Колымы, в 1490 км от устья), когда листья на рябине распустились, выросли травки полевые и пели птички лесные... жило селенье одулов, питаясь рыбой, которую ловили мордами и удочками. Однажды вечером заметили, что плывет к ним сверху человек с шерстью на лице, с громадным, как шишка березы, носом, в котором две черные дыры, подобные норкам горноста. И этот человек, с лесину ростом, увидя, как пляшут на берегу у опушки леса раздетые девушки, пристал к берегу, подошел к ним и, схватив одну, потащил в лес. Увидя это, пришли мужчины с копьями и стрелами, убили его, бросили в реку и сказали: "откуда ты (река) привела, туда и уведи".

Целый ряд других преданий говорит о том, как одулы воевали с "нохшоччо", т.е. с русскими, на Омолоне, на Ясачной и на Коркодоне¹. Янские одулы (юкагиры) зимой 1662/63 г. даже захватили русское зимовье. "Нохшоччо" не могли с ними справиться. Тогда они решили взять юкагиров хитростью: послали женщину с русыми вьющимися волосами, которая ловила и поедала юкагирские тени, т.е. души. Нередко одулы видели зимой ее следы — отпечатки босых женских ног на снегу. По понятию одулов, эпидемия оспы и кори ходила в образе женщины босиком. Раньше она хотя и была всевидящая и всемогущая, не могла найти тропу, ведущую прямо к селениям одулов. Тропы были, но "алма"², призванные юкагирами предсказывавшие надвигающуюся беду, так искусно замаскировали их, что ввели в заблуждение эту страшную женщину. Она скиталась по миру голодная и холодная... И однажды нашла пасть, наставленную на лису. Не долго думая, в агонии голодной

¹ Нохшо — соболь, нохшоччо — соболятник.

² Алма — нечто вроде шамана.

смерти, она бросается на наживу – сухое крыло птицы... Крышка пасти захлопнулась и она очутилась в ловушке. И там, придавленная крышей ловушки, отяжеленной бревном, она умерла. Старик-юкагир на лыжах обходил свои ловушки. Подошел к этой ловушке, обрадовался, думает: "попала лиса", поднимает крышку ловушки и видит: одни голые кости, вместо глаз – темные впадины, вместо прекрасных алых губ – блестящий ряд обнаженных острых зубов...

Старик ушел. Она пошла вслед за ним до первых жителей; потом, подкрепившись горячей кровью человеческой, пошла, и даже побежала дальше. Так обходила все селения, все реки и , наконец, опустошив край, исчезла бесследно.

От эпидемий оспы и кори вымерло не мало юкагириков.

Но "опустошила" край юкагириков не оспа и корь в образе русской женщины с русыми волосами и босыми ногами, а хищническая, колонизаторская политика завоевателей, как русских, так и других.

Нужно отметить, что русские казаки и "промышленные" люди, покорявшие одновременно с туземцами и более культурных и организованных якутов, пользовались их же невольными услугами. Когда разбитые якутские отряды отступали от Якутского острога, а казаки предпринимали карательные экспедиции, то якутские роды уходили в самые отдаленные уголки "Якутского края". Здесь они сталкивались с туземцами, воевали с ними, побеждали их и заселяли их районы. Так были заселены якутами нынешние Вилюйский, Верхоянский и Алданские округа.

Вслед за ними и преследуя их, русские попадали в очищенные от туземцев районы, и им было легче овладеть якутами.

Иначе обстоит дело с Колымским краем. Здесь туземное население подверглось нападению со стороны якутов и русских почти одновременно. Первые напирала со стороны Верхоянска – Яны на Индигирку и на Алазею, тогда как последние продвигались с верховьев Колымы – с Олы (Охотска) на Шайдан и Коркодон, с Анадыря – на Омолон и Б. и М.Анюи, и севера – с устья р.Колымы – на ее низовья. Так шли завоеватели Колымского края – "юкагирской земли". Нужно отметить, что вслед за якутами с запада двигались и русские, которые в низовьях Алазеи были разбиты чукчами.

О столкновениях с якутами предания сохранили только отдельные отрывки. Вот одно из них: "Недалеко от нынешнего Адыя (Индигирки) одулы увидели нечто невиданное и необъяснимое: они увидели белых и черных оленей без рогов с круглыми копытами, с волосатыми до самой земли хвостами. И на этих "оленях", больших, как лоси, ездили верхом люди, вооруженные железными копьями и мечами, которые были гораздо смертоноснее, чем копыта одулов или их стрелы с костяными и каменными наконечниками. Они поражали всех, кого только увидят.

Эти существа, шестиногие, двуглавые, четырехглазые, с длинным хвостом, были все же смертны.

Они тоже имели кровь, кости и плоть. И юкагиры, отважные защитники своего края, самые лучшие и бесстрашные воины, сначала только убивали этих невиданных оленей, т.е. якутских лошадей, считая их главным злом, а она седоков даже не обращали особого внимания. Это и было причиной падения юкагириков и победы и торжества якутов".

Так пела юкагирская народность.

Районы расселения и их природные (производственные) богатства.

Народность "огул" или иначе "юкагир" населяет следующие районы.

Поселения тундренных "юкагиров" начинаются с низовьев р. Индигирки и идут по направлению: Индигирка - Нерчин - Кондиново - Берелех - Ыганьях - Сайтанах - Хара-Тала - Арбын - Шмарын - Эмэхсин-келе - Сергей (оз) - Курлуково у р. Колымы (немного выше устья р. Омолона): на востоке они граничат с якутами. Между этой линией и побережьем Ледовитого океана обитают три рода: 1) "Дуткинцы", 2) "каменцы" и 3) "Эрбэчкэны".

Далее, к востоку и югу от них, обитают 4 рода: 1) "Хангайский" или "Битильский", 2) "Хододинский", 3) "Кункугурский" (тунгусо-огулы) и 4) "Юкагирский".

Центром их расселения является приустье р. Алазеи.

Кроме того, огулы обитают еще и по Индигирке до самого устья вплоть до р. Момы (верховья). Здесь они кочуют отдельными семьями и носят общее название "Саидрин".

Отдельные семьи огулов кочуют также и между Яной и Индигиркой и даже заходят за Яну. Интересно отметить, что, находясь в гуще тунгусов, они сохранили свой родной юкагирский язык.

К востоку от Колымы мы находим огулов по двум Анюям и Омолону, откуда непрерывная полоса их расселения идет на Анадырь, за хребты. Здесь огулы сильно смешались с может быть родственным им племенем - "каменными" ламутами, занимающимися, так же как и описываемые огулы, рыбной ловлей. Аналогичное смешение произошло и у шайданских (верховья Колымы) огулов.

На ряду с этим мы видим и обратное явление: принятие языка и форм хозяйства огулов тунгусами и ламутами¹.

Но, несмотря на разнообразные слияния, огулы вполне сохранили свое национальное лицо - свой родной язык, культуру и тип.

№№ по пор.	Название родов	Количество душ	Район заселения	Примечание
1	Хангайский	120	Зап. тундра	Чистый нац. язык
	Хододинский	60		
3	Кункугурский	40		
4	Юкагирский	42		
6	Сандрин	Несколько сот человек	Прав. дол. Индигирки, район между Индигиркой и Алазеей	Общий нац. (юкаг.) язык
7	Дудкины			
8	Каменные			
9	Эрбэчкэны			
9	Деллянцы	400-500	Анью-Омодон	Язык смешанный ламуто-огульский
10	Балаганчик			
		900-1000	-	-

¹) Разделение на "тунгусов" и "ламутов" внесено пока что условно по следующему признаку: первые являются чистыми оленеводами-охотниками, а вторые, кроме того, связаны и с профессиональным рыболовством речного и морского типа.

Особо выделим 9 и 10 группы, т.е. делянцев и балаганчик, которые носят ламуто-тунгусское название, но большинство из них все же называют себя "одулами". И когда их спрашиваешь: "Кто вы", то многие сначала говорят: "Балаганчик", но потом добавляют: "Хотя мы одулы". По существу, их можно отнести к большой смешанной юкагиро-ламутской группе.

Кроме вышеописанных групп мы встречаем одулов в верховьях реки Колымы с перерывом в 1000 с лишним км. Здесь они делятся на две группы: Ясачные и Коркодонские. К первой принадлежат также и одулы с р.р. Поповки и Шаманкино, а к последней - с р.р. Толба, Коркодона, Бурганы и Шойдана.

Как видно, названия групп здесь исключительно территориальные, т.е. по названию тех рек и речек, по которым одулы расселяются. Сами себя они также называют, напр., "хорхогон-дъи", т.е. люди с Коркодона; "чахадон-дъи", т.е. люди с реки с мерзлой рыбой (так наз. реку Ясачную); "кэтбэн-дъи", т.е. люди с куропаточной реки (р. Поповка) и т.д.

Племенные названия хотя и вышли из повседневного употребления, но все же сохранились в виде памятников в фольклоре или у стариков - этих живых представителей старины, которые указывают на их существование еще не так давно. Так, нынешний "ушканский" род носил раньше собственное название "чолгород-омок", т.е. заячий народ, обитавший по р. Ясачной,¹ "анид-омок" - рыбный народ (люди), прозванный "рыбниковским", и т.д.

Ясачные одулы в зимнее время, когда еще есть достаточный запас продуктов питания, живут отдельными селеньями в 2-3 и больше семейства. В этом районе главным селением является "Нелемное", расположенное при слиянии р.р. Ясачной и Россохи. Здесь четыре жилых помещения и два пустующих. В каждом жилом помещении обитают по два и по три семейства. Всего здесь 40 человек обоего пола.

В устье р. Шаманкино (правый приток Колымы), в 70-80 км от Нелемной в сторону Верхне-Колымска. Здесь две избы - 15 чел. жителей.

Далее, в 10 км ниже Нелемной, на правом берегу р. Ясачной, расположено м. Ункюр. Здесь две избы - 17 душ населения.

Есть еще избышка в верховьях р. Ясачной, в 200 км от с. Нелемного, на устье р. Нолучуо; там живет старик Холтон с семьей в 4 человека.

В устье р. Шаманкино, правый приток Колымы, в 70-80 км от с. Нелемного, живет старик Хотинги 72 лет, со своим зятем Долгановым Василием. Семья его, считая и его, состоит из 7 человек. Берега р. Поповки (Нэтэбэн-унунгис), не так еще давно населенные "куропаточьим" и другими родами, в настоящее время представляют безлюдный мрачный пустырь, где живут лишь бурые медведи и россомахи.

Коркодонские (правый приток Колымы - примерно в 500 км выше устья Ясачной или Верхне-Колымска) одулы расположены:

1. В устье р. Тилда - в 10 км ниже устья Коркодона: 1 изба - 5 душ;
2. Устье самого Коркодона: 1 изба - 3 чел.
3. М. Чингэендже - в средней части Коркодона, в 230 км выше устья: 4 избы - 20 жителей.
4. Устье р. Бургала - около 70 км выше от устья Коркодона по Колыме: 1 изба - 11 жителей;

¹) Название "Ясачная" происходит от слова "ясак", т.е. дань, которой в XVII веке русские казаки обложили одулов.

5. Усть-Шайдан (сухая) – 40 км выше от устья Быргалы: 1 изба – 4 чел. и, наконец,

6. Хиета чан, в средней части Шайдан, в 130 км от устья: 1 изба – 10 душ.

Оседая, как уже сказано, в холодное время зимы по устьям рек в рубленых избушках, одулы кочуют по этим речкам вверх до самых их истоков в поисках рыбы, дичи и зверей.

Количество изб и населения выражается в следующих цифрах:

№№ по пор.	Названия (местные) поселков	Расстояние от ближ. центра	Колич. изб	Населен.		Всего
				м.	ж.	
1	Нелемная.....	100 км от устья р.Ясачной	4	25	15	40
2	Мамыта.....	Ок. 20 км от Нелемной	2	7	8	15
3	Ункгюр.....	10 км от Нелемной	2	9	8	17
4	Нолучуо.....	Ок. 300 км от Нелемной	1	1	3	4
5	Шаманкино ...	75 км от Нелемной	2	4	3	7
6	Усть-Толда.....	390 км от Нелемной	1	3	2	5
7	Усть-Коркодон	400 км от Нелемной	1	1	2	3
8	Чингэндже.....	230 от Усть-Коркодона и выше	4	10	10	20
9	Усть-Бургала .	70 км выше по Колыме от устья Коркодона	1	6	5	11
10	Усть-Шайдан (сухая).....	110 км выше Усть-Коркодона	1	1	3	4
11	Хиетачан.....	выше по Шайдану	1	1	6	10
	Всего	—	20	71	65	136

Это – чистые одулы (юкагиры), с небольшим лишь элементом ламутского, но уже настолько слившиеся с юкагирским, что даже позабыли свой родной язык.

Одулов по возрасту можно разбить на следующие группы:

до 5 лет.....	13
от 5 » 10.....	13
» 10 » 18.....	15
» 18 » 30.....	21
» 30 » 50.....	28
» 50 » 70.....	10
» 70 и старше.....	7

Всего 106

Сюда не вошли селения Чингэндже и Хиетачан – (30 чел.), о которых у меня нет точных данных.

Обширный, разнообразный по характеру местности район расселения одулов с побережья Ледовитого океана можно разбить на три пояса:

1. Тундра и край леса; там водятся: песцы, приморский олень, белый медведь; рыбы – чир, щука.

2. Лесо-речной: горностай, лисица, лось, бурый и черный медведь; рыбы – омуль, чир, нельма, налим, шокур.

3. Лесо-речной-горный: белка, росомаха, выдра, рысь, медведь, олень, горный баран; рыбы – хариус, ленок, чукачан.

Одулы по месту своего расселения пользуются природными богатствами, не употребляя почти ничего, поступающего извне, по той простой причине, что привозные товары попадают к ним чисто случайно и в большинстве случаев состоят из водки, дорогого шоколада, конфет, духов, бисера и т.п.

Кроме того, полное отсутствие каких-либо технических приспособлений, чрезвычайно низкий культурный уровень самого населения, полное отсутствие помощи и руководства, притеснения со стороны снабжающих организаций Дальгосторга и Якутторга, эксплуатация соседей якутов и русских поселенцев – все это разрушает экономику одулов, и они живут бедно, несмотря на богатство природы. Природные богатства велики, добывают их одулы во множестве, ценность их велика, но тем не менее одул всегда голоден, плохо одет и унижен.

Занятия и образ жизни

Одулы, обитающие на западной тундре, занимаются главным образом приморским оленеводством,¹ охотой на песца и отчасти озерным рыбным промыслом. Они ведут бродячий образ жизни, т.е. часто без всякой нужды и порядка меняют вытопанные табуном моховищи (пастбища), переходя с места на место. При чем в летнее время они держатся у берега Ледовитого моря, так как комары, москиты и оводы заставляют их искать более открытые и холодные места. В зимнее же время они подходят к краю лесов, где находят защиту от снежных метелей, в открытых местностях нередко засыпающих целые стойбища и табуны оленей и несколько сот и тысяч голов.

Зимой одулы охотятся на песцов, которые в изобилии собираются у края лесов. Охота на песца, представляющего собою большую ценность, является одним из главных и выгодных занятий этих тундренных жителей.

Омолонские и Анюйские одулы, занимающиеся оленеводством и охотой на белку, ведут также бродячий образ жизни.

¹) Надо различать два вида оленей: олени приморские и лесо-горные. Первые – темно-шерстные, малорослые и плохо поддаются укрощению, на них невозможно ездить верхом, вследствие чего здесь ездят только на санках. Второй тип – рослый и светло-шерстный, наоборот, легко поддается укрощению и дрессировке и весьма удобен для верховой езды.

Только Ясачные и Коркодонские одулы являются кочевниками. В холодную пору зимы, как указано выше, они живут селеньицами, которых никогда не меняют. Оленей у них нет, скота — также (тогда как их соседи якуты — скотоводы). Занимаются они исключительно рыболовством и охотой. Переходы во время кочевков делают пешком, на лыжах, таща за собою убогий скарб: сложенную юрту из оленьей кожи, спальные мешки из оленьих шкур, одежду, посуду, рыболовные снасти и т.д. Все это складывается на нарту, запряженную двумя-тремя собаками, туда же сажают ребятишек, а женщины впрягаются в нарту в помощь собакам. Мужчины идут впереди, притаптывая рыхлый снег своими широкими лыжами, и при случае сворачивают в сторону поохотиться.

Это общая характеристика занятий и образа жизни одулов.

Теперь перейдем к более точному их описанию по временам года.

Осень — начало промыслового года, Одул запирает речки, ставит сетки на озерах и на реках в местах улова, исправляет свои ловушки, делает новые, охотится на лосей и ремонтирует свою избу.

Но вот проходит беспокойная осень, озера и реки замерзли; выпал снег, началась зима. Тогда он набивает свою котомку сухой рыбой (юколой), заменяющей сухари, берет легкую посуду, сделанную из жести и бересты, вскидывает на плечи неизменную кремневку, забирает простой, тугой лук, заменяющий ему посох, и идет пешком на лыжах в тайгу и горы белковать. Питается он мясом убитых белок и случайно застреленных глухарей и тетеревов. Куропаток и рябчиков он не бьет, экономит огнеприпасы, или при случае стреляет в них развильчатыми стрелами из лука. Если белка сидит на низком кедровнике, то он убивает ее из того же лука стрелами с тупым наконечником; если она взбирается на высокую лиственницу, то бьет он из своей кремневки и с таким расчетом, чтобы одной пулей убить четыре-пять белок, для чего вкладывает определенный заряд, чтобы пуля, попав в белку, не прошла насквозь, а если и пройдет, то чтобы она застряла в дереве. Тогда охотник взбирается на дерево и выковыривает ее ножом, наспех закругляет зубами, заряжает и стреляет снова, и так до тех пор, пока она не сделается совсем маленькой; тогда он соединяет ее с другой маленькой пулькой и получает новую пулю. Все это время он не умывается, и одежда его вследствие отсутствия перемены не снимается и не сушится. Спит он между двумя кострами прямо на снегу, где подстилает хрупкие ветки лиственницы, а сверху торчат лыжи. Покрывается своей одеждой, мокрой от пота и снега.

Вторая часть зимы — время самых лютых морозов и снежных метелей; не рискуя выходить из дома, одул сидит в своей избе, поедая свои жалкие запасы рыбы. Рыба сохраняется в квашеном, сушеном и мерзлом (осенний улов) виде. Если рыбы было запасено мало, то с середины декабря начинается голод, уносящий до начала марта не мало жертв. Первыми погибают собаки, потом дети, мужчины и, после всех, женщины. Но вот снег затвердел настолько, что может поднять лыжи, солнышко стало подниматься высоко — выше лиственницы; куропатки и зайцы вышли из под снега, и белки вылезают из своих гнезд. Первая партия одулов снимается из поселка, волоча за собою нарты, где уложен их убогий скарб, шатаясь от полного истощения. Обычно жизнерадостный одул становится костлявым, мрачным и угрюмым.

Снявшись с зимовки, он идет по направлению к верховьям реки до тех пор, пока не убьет зверя или не найдет полынью с рыбами. Если не посчастливится, убьет и съест последнюю собаку. Потом падает от истощения. Вымирали целыми поселками.

Если лето было счастливое и рыбы было запасено много, то одулы проводят зиму весело и жизнерадостно. Они каждый вечер собираются в одну избу, заводят игры, пляски, песни, сказки. А потом, ранней весной, все вместе скочевывают веселой говорливой гурьбой. Весенняя охота на лесную дичь и на зверя бывает удачна. В веселой погоне за зверем охотники состязаются в быстроте и неутомимости.

Затем они останавливаются стойбищем на берегу реки возле полыньи, где водится много рыбы, весновать. Здесь они делают лодки, которые потом обменивают на другие предметы у якутов и русских. После вскрытия реки спускаются вниз к устью р. Ясачной, чтобы встретиться с солидными племенами, сбыть накопленные шкурки пушных зверей и справить свой национальный праздник начала лета.

В 1928 году одулы Усть-Коркодона, Бургала и Шайдана собрались весновать все вместе к устью Шайдана. Белок было очень много; из одного гнезда выбегало сразу по 6-8 штук, но у них не было охотприпасов. Купленные у Дальгосторга еще в предыдущем (1927) г. одноствольный дробовик с берданочным затвором, купленный за 50 белок¹, и монтекристо – за 40 белок лежали без употребления.

Якутские охотники Кука и Сконос в этот сезон убили на их территории по 1200 белок каждый. Затем начался прилет птиц – гусей, лебедей и уток. У одулов опять не оказалось огнеприпасов. Потом, с наступлением реколома, рыба (хариус, ленок, чукачан), которую они ловили удочкой на полынье, исчезла. Началась голодовка... Так жили около полумесяца. Потом случайно Григорий Шадрин и Хотуная встретили у подножья Шайданского камня двух медведей и убили их. Этим жили.

ОХОТА

Охота преследует две цели: 1) добывать зверя, мясо которого служит пищей, а шкура – одеждой; 2) добыть зверя, мясо которого в пищу не идет, но шкура представляет ценность и служит предметом обмена. Бывают и исключения, когда ценится на только шкура, но и мясо (например, белка, заяц, медведь).

Охота сама по себе распадается на следующие виды:

- 1) ездая на оленях (санная),
- 2) верховая на оленях или лошадях,
- 3) пешая с собакой.

Первый тип существует на тундре, а в верховьях Колымы – исключительно третий тип.

Объекты и средства охоты можно разбить по временам года в следующем порядке:

О с е н ь (конец августа, сентябрь, октябрь и начало ноября). Верховья Колымы: лось, дикий олень, бурый и черный медведь, заяц, глухарь, тетерев, рябчик, куропатка, белка, лисица, горноста́й.

¹) Одна белка по лимитам ДГТ стоит 1 р. 80 к. или 2 доллара в Америке

Тундра – белый медведь, случайно дикий олень, песец, волк и рысь.

Средства охоты: верховья Колымы – ружье, берданка и кремневка, петля и самострел, пасть (пад. ловушка), лук со стрелами, черкан и силки.

Тундра – ружье-винчестер, пасть и отчасти отравы (яд).

Зима (конец ноября, декабрь, январь и начало февраля). Объекты: верховья Колымы – лисица, белка, горностай, случайно волк или россомаха, куропатка, случайно глухарь, рябчик.

Тундра – песец, отчасти волк или рысь и лисица.

Средства охоты: верховья Колымы – пасть (падающая ловушка), силок, самострел, черкан, если есть – отрова, ружье-кремневка. Тундра – пасть (пад. ловушка), отрова и винчестер.

Ранняя весна (конец февраля, март и апрель). Объекты: верховья Колымы: белка, лисица, россомаха, отчасти рысь, горностай, заяц, куропатка, случ. глухарь, дикий олень, лось.

Тундра: песец, волк, рысь, отчасти дикий олень.

Средства охоты: верховья Колымы – кремневка, пасть, отчасти отрова, черкан, самострел и пасть.

Тундра: пасть, винчестер¹.

Последняя весна (май, июль). Объекты: верховья Колымы – лебедь, гусь, “сухие” утки, “сырые” утки², медведь бурый и черный. “Сырые” или “мокрые” – водяные утки (турпан), савка, белобан и др.

Тундра – лебедь, гусь, “сырые” утки, белый медведь.

Средства охоты: верховья Колымы – дробовик капсюльный, кремневка, силки.

Тундра – дробовик и винчестер.

Но в последней охота не имеет значения, и все население бывает сплошь занято уходом за оленьими стадами, тогда как жизнь верховьев Колымы всецело зависит только от удачи в охоте. Летом прекращается всякая охота, если не считать охоту на летних птиц на притундренных озерах.

Охотничий инвентарь

Берданы	30
Кремневки	18 ³
Дробовики	7
Самострелы	204
Черканы	494
Капканы	8
Пасти на лису	162
Лыжи	12

¹) Отрова (яд) по причине потепления не применяется.

²) “Сухие” – это целая серия пород уток, которые прилетают рано и водятся на полях, лугах и небольших болотах, даже в лесах. “Сырые” или “мокрые” – водяные утки (турпан), совка, белобан и др.

³) Кремневки, не имеющие куркового приспособления, стреляющие при помощи деревянного лучка.

Разведение животных

Как упомянуто выше, тундренные одулы являются в основе своей оленеводами, хотя оленеводство не имеет товарного характера, а только лишь потребительский.

Оленеводство в целом, и в частности у одулов, за период разрухи (1920-24 гг.) сильно пало. Мало того, в некоторых стойбищах тундры совсем не стало оленей, и обнищавшие одулы, чукчи и тунгусы переходят группами и в одиночку из западной тундры на восточную. У меня теперь нет под руками готовых материалов, а потому цифровых данных дать не могу.

Что касается одулов верховьев Колымы, то кроме 70 собак, других животных у них не имеется.

Жилище, одежда, пища

Жилище. Первоначальным типом жилища одулов нужно считать односкатный шалаш, покрываемый ветками растений для защиты от ветра и снега. Покрытие его дерном, а в зимнее время снегом, есть более высокая ступень развития. В дальнейшем из односкатного шалаш превращается в двускатный, затем в обыкновенный глухой и с подвешенным куском дерна или шкуры дикого оленя вместо дверей над входным отверстием.

После прихода ламутов одулы переняли у них кожаную юрту конической формы, где в середине раскладывался костер.

И только начиная с 17-18 вв., после прихода русских, когда последние стояли целым полком сначала в Коркодоне, а потом в Колымске (крепость), переняли рубленую избу с камельком и плоской крышей.

Обыкновенно размер теперешней избы одулов колеблется от 3 до 4 метров, а высота бывает до 3 метров. В правом углу от входа строится камелек с низким шестком (очагом). Он представляет собой большую вертикально поставленную трубу диаметром в $\frac{3}{4}$ метра, сложенную из лиственничных жердей, перевязанных ивовым прутьями.

Шесток же, сколоченный из расколотых бревен, представляет простой квадрат, засыпанный песком, а сверху обмазанный глиной. Камелек, в свою очередь, тоже тщательно обмазывается толстым слоем глины, чтобы от усиленной топки во время зимней стужи не загорелись жерди — его остов. У выходной трубы диаметр его несколько не уменьшается, так что нередко молодые влюбленные пары сходятся на свидание через трубу, спускаясь в дом или выходя из него; если зимой во время топки в избе бывает температура $+50^{\circ}$, то как перестанешь топить, она падает до -40° . Как основное правило, на ночь опрокидывается вверх дном вся посуда, чтобы она не лопнула от замерзания воды, в ней находящейся. Вокруг избы внутри расположены нары, где сидят и спят. Мебели почти не бывает, если не считать одного-двух обрубков бревна, заменяющих собою стулья. Хотя иногда делают стул из ствола ивы толщиной в 3-4 см.

Стол представляет собою три доски, соединенных между собою рыбьим клеем вершинами в одну сторону, так что получается с одного конца уже, а с другого шире. Вместо ножек служат четыре кола, вбитых в земляной пол под передним углом. Окнами служит в зимнее время лед, а в летнее — рыба кожа (налима). Размеры окна бывают 20x20 см; такой размер не даст возможности пролезть во внутрь медведям, которые нередко посещают поселки, чтобы чем-нибудь поживиться. Надо отметить, что средняя температура в избе бывает довольно низкая (ниже 0°). Русские обыкновенно еще осенью обмазывают избу снаружи глиной. Но одулы

этого не делают, ибо “не желают живыми быть в земле”. По этим же соображениям они не роют погреба и не делают ледника, чтобы в них сохранять рыбу, а потому весь летний улов сгнивает без всякой пользы. Делая же юколы, они понижают количество и качество его.

Это — внешняя сторона дела. На самом деле погреба для хранения рыбы в летнее время не делают потому, что они не бывают уверены в том, что останутся на этой тоне завтра. Ибо при появлении рыбы придут более сильные соседи и прогонят их. Тогда весь труд их пропал бы даром.

Одулы никогда на ночь не оставляют дров в нарубленном виде, чтобы “духи не остановились в избе растапливать камелек и греться. Чего доброго, может быть им понравится и они навсегда останутся доедать обитателей (т.е. обитателей избы и селения)”. Это создает большие неудобства и отнимает много времени, ибо при постоянной топке камелька приходится через каждые 10-25 минут выходить на двор и снова и снова рубить дрова малыми охапками, только на одну топку.

Амбар строится соединенный сенями с избой, где складываются вещи, оружие и запас рыбы.

Все, что может понадобится в скором времени, кладут прямо на крыше избы, куда собаки и ребятишки залезть не могут. Других пристроек при избе не бывает.

Весной, летом и осенью, во время кочевок, живут в конических кожаных юртах; во время частной охоты и рыболовства — в одно- или двухспальных шалашах и, наконец, в зимнюю стужу — в избах. Кроме этого, летом живут еще в свайных постройках, снизу которых раскладывается дымокур, предохраняющий от комаров.

Одежда. Одулы белья не имеют. Одеваются, как это было в древнейшей эпохе каменного века, в шкуры диких зверей. Различие в одежде чукчей и коряков состоит в том, что у последних она имеет форму глухую, а у одулов — распоротую. Общий принцип одежды, т.е. соединение внутренней и наружной одежды мездрами (шерстью в противоположные стороны), однако, сохранился.

Основой одежды одула является так называемый передник, предохраняющий от холода грудь и живот. Верхний конец привязывается за шею, средний — за поясицу, а нижний спускается до колен, весь вышитый лосиной шерстью и бисером и увешанный (у женщин) колокольцами, бубенчиками, медными и серебряными бляхами. Последние изображают “грудное солнце”, как покровителя и защитника одулов, а медные — луну, указывающую им путь-дороги в ночной темноте. Кроме этого привешиваются металлические (медные) кружки различной формы, снабженные рожками, поясками и т.д., очевидно пришедшие с Дальнего Востока, символизировавшие некогда лики китайских драконов и демонов. С внутренней стороны, начиная от шеи и ниже поясицы, передник шьется из шкурки оленьего теленка или редко — заячьей шкурки. С наружной до поясицы — мездра, а ниже, до колен — лапки того же теленка или молодого оленя. Как уже сказано, передник надевается прямо на голое тело. Поверх передника одевается кафтан, полы которого доходят только до колен (одинаково у мужчин и женщин). Он обычно бывает голый изнутри и шерстью снаружи. Спереди края его не сходятся вплотную, а остаются открытыми настолько, чтобы все украшения передника были видны. При чем сзади привешиваются две серебряные бляхи, служащие “глазом” зада для наблюдения и отпугивания подкрадывающихся злых духов или неудачи.

Точно так же подвешиваются меховые лоскутки, иногда просто беличьи хвостики, символизирующие “языки” теплоты, аналогичные языкам огненным и предохраняющие своего хозяина от внедрения паразитных ледянистых духов мороза.

Затем идут штаны, сшитые из оленьей, реже из рыбьей (налима) кожи, которые надеваются также на голое тело. Они напоминают собою трусы, но с той разницей, что у первых поясная часть отсутствует. Пуговицами служат два кожаных шнурка, пришитых у краев прорехи, перевязываемых особым образом между собою.

Меховой чулок натягивается сверх голенищ этих штанов и упирается с внешней стороны у поясницы. Сапоги шьются из оленьих камусов и натягиваются поверх чулок выше колена, Они так же, как и у русских, имеют оборы снизу, редко сверху, выше икры. Сутуруо, т.е. меховые наколенники, у мужчин встречаются редко, они позаимствованы у якутов.

Шапка имеет форму малахая, сзади и спереди открыта, уши соединяются наверху в виде конуса. Спереди бывают оторочены мехом, защищающим все лицо от падающего сверху снега. Шьется обычно из шкуры оленьих телят, иногда из шкуры медведя или росомахи. Последняя некогда служила также знаком величия и неустрашимости лучшего охотника — предводителя войск одулов.

На шею надевается ошейник, сделанный из беличьих хвостов, а под ворот передника проталкивается целая заячья шкурка, мехом к телу. Перчатки шьются из мягкой замши, собственной выделки, продымленной, чтобы не промокла и не затвердела при высыхании. С внутренней стороны, на основании большого пальца, делается надрез, через который можно высовывать руки, не снимая при этом перчаток. С наружной стороны пришивается узорчатый кружок, символизирующий солнце в одеянии (смерис).

Особо приходится отметить так назыв. “тумаши”, одеваемый во время охоты (при быстрой ходьбе) на голову. Он предохраняет от обмороживания, главным образом, подбородок, уши и затылок. На темени он бывает открыт. Весь костюм юкагира дополняет ремень (пояс) с подвешенными ножнами. Иногда пояса привешиваются к штанам (у мужчин), если они имеют длинные голенища, с правой наружной стороны.

Костюм служит своему хозяину довольно долго. Так, одул Хотинги имел в продолжении своей 72-летней жизни всего лишь два костюма, последний из них носит и по сие время. Я не ошибусь, если скажу, что он умрет в этом последнем, не переменяв его.

Пища. Главной пищей, как мы выдели выше, является рыба. Она потребляется в нескольких видах: а) в квашеном, б) в сушеном (юкола), в) в мороженом и сыром.

Летний улов, как мы уже знаем, за неимением ледников, сушится (для этого нарезают тонкими пластинками) или гниет в плохом помещении (сайбе). Этот запас пищи представляет зловонную массу, которую вынимают зимой, когда кончится запас пищи. Потом перемешивают ее с молочной корой лиственницы и варят кашу.

Осенний улов хорошо сохраняется в мороженом виде. Его употребляют в пищу в мерзлом виде, снимая ножом мелкие ломтики в виде стружек. При обильной ловле рыбы, летом запасают еще в следующем виде: берут пупки омуля, слегка проваривают, потом, примешивая с прокоптелым телом юколы (сушеной рыбы), толкнут и затем подлив рыбьего жира, зашивают оленьими сухожилиями наглухо в берестяные коробки. Это блюдо называется "барча" и считается зимой лучшим лакомством.

Как правило, хвостовая часть рыбы, пупок и хрящ головы употребляются в сыром виде. Кроме того, спинной хрящ и молоко стерляди, внутренности щуки, внутренний жир ерша, икра омуля также поедаются в сыром виде¹.

Мясо убиваемых зверей и дичи также идет в пищу, если не считать мяса медведя, которое не все мужчины едят. Мало того, женщины даже не присутствуют при съедении его и не могут есть и другую обычную пищу, напр. рыбу, сваренную в посуде, в которой до этого варилось мясо медведя.

Употребляют мясо в тех же видах, в каких и рыбу, т.е. вареном, сушеном и сыром виде. К последней относятся почки зверей, печень, сердце, жир, кровь и костный мозг (мостальга). Легкие, головной мозг и селезенка всех зверей не идут в пищу, выбрасываются. Наоборот, кишки и желудок, в особенности содержимое последнего, являются довольно изысканным блюдом. Желудок белки, наполненный орехами и грибами, прожаренный на рожке у костра, служит обычным гостинцем детям.

Интересным является еще то, что добытая из неизвестного озера рыба при съедении кладется в рот через кольцо, сделанное из тонких прутьев ивы и прикладываемое ко рту. Что это обозначает, мы увидим в главе о духовной культуре одулов.

Что касается растительной пищи, то главной в этом отношении является кора лиственницы, о которой упоминалось выше. Она в голодную пору, а это общий закон жизни одулов, в крошеном виде примешивается к остаткам гнилой заквашенной рыбы, из которой варится каша. Она имеет мутный цвет с противным запахом и тошнотворным вкусом, но если не физически, так психически спасает одулов от абсолютно голодной смерти. Такое же спасательное значение имеет эта пища и для бескотных якутов, у которых она является почти основой питания. Правда, от этого развиваются всевозможные болезни желудка и вообще внутренностей, в роде катара и язвы желудка, сужения пищевода (вследствие ранения древесными частицами коры, снабженными шипами), хронического запора, аппендицита и т.д. и т.д. Но в общем без этой пищи жизнь бедняков, как одулов, так и бедных якутов, была бы чрезвычайно затруднена.

Следующей по значению растительной пищей являются дикие полевые и болотные ягоды, встречающиеся здесь в большом количестве, как то: малина, черная и красная смородина, шиповник, рябина, черемуха, брусника, княженика, морошка, голубика и многие другие. Видное место из них занимают голубика (одул лебейди)², черная и красная смородина (чолгоро-лебейди)³ с пупками и печенкой налима (максой), а сок последней употребляется как напиток. К последнему нужно отнести отвары, которые пьют за отсутствием чая, напр., листьев той же брусники, шиповника и его стебля. Особо стоят листья болотных расте-

¹) Сырая хребтовая кость всякой рыбы тщательно прожевывается и таким образом извлекается и высасывается сок.

²) Одул — юкагир, лебейди — ягода. Ягода одула.

³) Чолгоро — заяц, лебейди — ягода. Ягода зайца.

ний всевозможных форм и цветов, дающих остро-горький отвар зеленого-серого цвета. Наконец, третья категория – это паразитические черные грибы, растущие на стволах березы, и другие грибы, преимущественно черного цвета, растущие в глухой местности, чаще на болотистых местах. К последним принадлежат мухоморы и др. ядовитые грибы, от которых иногда умирают белки и другие звери. Хотя эти отвары заменяют чай, но ближе подходят к напиткам наркотическим. К последним относятся предметы курения, вроде тех же ядовитых грибов, собираемых и приготовляемых особым образом. Если яд слишком сильный и человек не может глотать едкий дым, тогда примешивают сухой помет зайца. Помимо этого, как самостоятельное курево, употребляется летний помет медведя. Последний летом питается исключительно ягодами, а потому и помет после брожения в его желудке бывает особо горьким и пахучим.

В этом отношении не отличаются от одулов и их полубродячие бесскотные соседи якуты (см. выше), обретающиеся на устьях рр. Сеймчана, Момуткул, Негены, Булун и др. Чукчи – северные соседи одулов – западной и восточной тундры и коряки в отношении употребления мухомора и других ядовитых грибов идут еще дальше.

По своему внешнему типу одулы отличаются от всех прочих обитателей приполярной зоны (чукчей, коряков, вогулов, самоедов и т.д.) стройностью фигуры, легкостью, чрезвычайной подвижностью и неутомляемостью. Одул Шадрин с устья реки Коркодона в с. Нелемное (около устья р. Мачной) приходит на третьи сутки на лыжах, покрывая расстояние в 430 км. При этом он не пьет чая и настоящей воды, а пьет растопленную из снега воду, как и все одулы в течение долгой и голодной зимы. Эта вода, как и всякая атмосферная вода, не содержит, как известно, солей, присущих почвенной воде, которые нужны для восстановления и вообще для существования организма, но тем не менее одулы являются в отношении утомляемости и подвергаемости холоду и голоду самыми крепкими, устойчивыми и бесстрашными людьми на всем великом Севере. Однако они очень податливы всяким заболеваниям, особенно эпидемическим, и такие болезни, как корь, или оспа, принимая эпидемическую форму, буквально становятся для одулов полярной чумой, выкашивающей целые селеньица, стойбища и даже роды.

Утверждения некоторых ученых о существовании здесь, в частности у одулов, керамики, являются ошибочными. Она может быть и существовала у других вымерших ныне племен северо-востока, живших в межледниковых периодах, когда здесь стояла тропическая жара; у самих же одулов керамики, как искусства и особой формы хозяйства, по-моему, не существовало. Ни в языке, ни в материальной культуре и нигде какого-либо упоминания о ней мы не встречаем. Наоборот, очень часто в древних преданиях мы встречаем упоминание только лишь о посуде из бересты. Последняя и теперь занимает господствующее место между деревянными якутскими и медными и железными русскими посудами.

Чашки и мелкая посуда делаются теперь исключительно из бересты. Если и встречается фарфоровая чашка, то она бывает разбита от долгого употребления на мелкие части, потом тщательно склеена рыбьим клеем и стянута узенькими жестяными полосками из-под пороховой банки. Сначала она протекает, а потом накопившаяся грязь затягивает все поры. Таким образом она теряет свой первоначальный вид и приобретает собственный – одульский. Во время кочевья, переходов или охоты берестяные коробицы, служившие чашками, выбрасываются при каждом покидании места стоянки.

Особое значение имеют берестяные горшки и ведра, в которых кипятят чай и варят пищу, подвешивая прямо над костром. Я думаю, что этот вид посуды, возможно, предупредил возникновение керамики. Последняя, если и была культурой, введенной в быт одулов другими народами, то и тогда, несмотря на свои огнеупорные качества и долговечность (берестяную посуду выбрасывают после одного раза употребления), не смогла бы конкурировать с берестяным горшком при кочевом и пещем быту одулов.

Особый интерес представляет также и "биток"¹, служащий для "битья", т.е. собирания ягоды голубики. Это собирание состоит в том, что собирающий ударяет им по ягодному кусту сверху вниз и быстро, не останавливаясь, поднимает вверх в виде перевернутой параболы, тогда тонкие стебельки отшатываются посредине, и ягодки, слабо держащиеся на них, падают, в силу обратной отдачи верхушек стеблей и веток, в посуду. Он имеет вид продолговатого пятиугольника с вздернутым кверху хвостом.

Общественно-социальный строй

Семья. Семья у одулов есть отдельно живущая группа или, выражаясь языком самих одулов, — группа, отдельно ставящая шатер или юрту, имеющая свой собственный огонь (очаг) и сконцентрированная вокруг одной женщины-матери. Мать — это все. Она — центр или фундамент семьи, и племя происходит только от нее.

Брак у одулов экзогамный и строго моногамный. Система отработочная, т.е. каждый одул, берущий жену из чужого рода² или большой семьи, обязан пробыть в семье будущей своей жены в среднем 2-3 года. За это время он, считаясь равным членом "рода" или семьи, должен работать в пользу последних и, так сказать, выявить себя достойным получить жену и увезти ее в свой "род", в свою семью. Живя таким образом в чужом "роде" — роде будущей жены, он, хотя и зовется rögil, т.е. зять, однако половой связи со своей "женой" не имеет. Это не есть строгий закон или правило. Девушка сама должна, в силу особых внутренних семейных правил, держать себя независимо и не "связанной". Эти внутрисемейные правила заключаются в том, что каждый молодой человек из своего "рода" может спать под одним одеялом с девушкой как с сестрой; последняя, ради сохранения себя от искушения и сохранения ненарушимых законов родства, спит не раздеваясь и притом все шнурки интимной одежды должна запутать так, чтобы лежащий с ней под одним одеялом молодой человек не смог развязать. Но если девушка захочет обратное, следствием чего может оказаться ребенок, то это не осуждается теперь; наоборот, рождение дитяти встречается с торжественным празднеством. То же самое может случиться и с rögil, т.е. с зятем, но тем не менее это не может служить правом на взятие девушки в свой род, если семья, род или сама девушка найдут его негодным и недостойным звания мужа.

¹) Русское название

²) "Род" беру здесь условно — см. гл. "род".

Единоличное распоряжение отца без совета семейства или рода или даже без согласия самой девушки исключается. Так, к 19-летней девушке Матвея Тайшина из Ясачной семьи сватался Ампарчан (сын Хотинги) из семьи (рода) Шаманкина. Ампарчан как зять поработал полтора года, а за остальное время дал натурой полтора ста белок, сделал 2 карбаза и маленькую лодку. Тогда старик Матвей обещал ему выдать свою дочь, но семейный совет, в лице матери, сестры, самой девушки, 2 братьев и нескольких родственников, выходцев из этой семьи, отменил его решение перед главарами племени, большаком, кузнецом и Alma¹.

Последние решили в его пользу, но совет всего племени, т.е. общее собрание под руководством лучших охотников и матерей, отменил такое решение (1927 г.). Из этого видно, что абсолютный патриархат еще не совсем утвердился. Брак малолетних в данное время не практикуется, в фольклоре также не встречали и существования такого института в более древние времена. Приведенный выше пример характеризует внутрисемейные правила, говорит о том, насколько еще сильно чувство родства и страх нарушения его, но, являясь в данное время только пережитком, уступает более сильному явлению – рождению ребенка, будущего помощника – кормильца рода. Поэтому становится понятной та безнаказанность, которой пользуются девушки или женщины, нарушившие табу.

Род. Верхне-Колымские одулы считают себя кровнородственными только в пределах своего района, своей группы. Например, одулы р.Ясачной в количестве 10 семейств считают себя кровно-родственными, тогда как всех прочих, напр., Шаманских, Коркодонских, Поповских и т.д. считают только родственными. Я лично склонен думать, что группа, которая связана узами кровного родства и носит общее название по занимаемой ею территории, напр., “люди с Коркодона”, “люди с Ясачной”, “люди с Омолона” и т.п., является так наз. племенем, а все племена, взятые вместе, составляют народность одулов. Племя распадается на отдельные части, т.е. семейства, или, выражаясь общепринятым языком, роды². Последний характеризуется единством крови (в отличие от родственной крови) по первой восходящей и нисходящей линии или, как сами одулы выражаются, “утробным” единством и общей материальной заинтересованностью, т.е. единством хозяйства, тогда как простая семья включает в себя мать, сына, сына сына (внука), редко отца отца, т.е. дедушку. Иногда простая семья может состоять только из брачной пары.

Родственные названия суть следующие: представителями рода являются: большак – “Chomoje” или, как прозвали впоследствии, староста или князь, шаман – “Alma” и кузнец. На обязанности шамана – Alma лежит при помощи духов-покровителей и духов – хозяев земли и воды, гор, лесов и т.д. предвидеть будущее, изыскивать более легкие и выгодные пути жизни, защищать и спасать жизнь сородичей и вообще входить в контакт для той или иной цели со всеми видимыми и невидимыми духами. Chomoje (большак) должен вести весь род под руководством Alma, т.е. шамана, и по его указаниям. Что касается кузнеца, то это –

¹) Alma – нечто вроде шамана (см. ниже).

²) Однако понятие “род” или “большая семья” более обширно, чем описанная вначале простая “семья”.

совершенно особый вид владыки, нечто вроде мага. Его сила заключается в его специальности, таинственной, а вместе с тем и страшной — это выкапывать из горы “черные” камни и из этих камней, подвергая их сожжению и избиению, делать предметы, которыми можно без всякого труда срубить вековые деревья в обхват человека. Или иначе, он делал из железной руды железные орудия, которые по сравнению с каменными, существующими и поныне, конечно являются более действительными и сами по себе таинственными. Кроме того, если топор или нож нашел на камень и острое расплющилось, то сам туземец никак исправить не может, а если и исправит и придаст ему нормальную форму, то все равно топор не будет действовать — нет закалки, о которой рядовой туземец не имеет и понятия; тогда он несет его кузнецу, который нередко из бесформенного топора сделает прекрасный неломкий и всесокрушающий топор. Это явление наблюдаем теперь. В древнем же быту и фольклоре мы этого не встречаем.

Эти три человека выделяются особо и являются юридическими вершителями жизни одулов, как пережитком старины. Наоборот, фактическим руководом или предводителем является сильный охотник, от удачи которого зависит жизнь одулов. Являясь лучшим охотником и бесспорным авторитетом, кормя весь род в случае вражды с другими родами или племенами, он естественно без всяких формальностей и церемоний становится военачальником.

Тут действуют суровые факты, острая необходимость защиты рода или племени от надвигающейся беды, а потому на него обращаются все взоры племени и его представителей — охотников, превратившихся в воинов, так же как и в периоды голода, голодной смерти. По Йохельсону (см. “По Ясачной и Коркодону”) руководителем охоты и войн является *leheje shogomog*, т.е. старик, старейший рода, но это неверно, ибо ни на охоте, ни на войне, в условиях суровой приполярной страны, когда приходится делать на лыжах сотни км в сутки, целыми неделями оставаться под открытым небом при больших морозах, не зная сна и покоя, голодным, — руководить отрядом старику, насколько бы почтенным он ни был, не под силу. Способны на это и могут, как я уже сказал, только люди с крепким организмом, физической силой, выдержкой, ловкие в отношении стрельбы и драки. Старик пользуется авторитетом только в специальных вопросах, как знаток обрядов и живой хранитель традиций и древности вообще. Что касается социальных расслоений на богатых и бедных, на властных и подчиненных, то у одулов они встречаются меньше всего. Здесь индивидуализм охотника и коммунизм рода сочетаются без всяких разногласий и прений. Охотник один убивает зверя, но из этого не следует, что он должен им распоряжаться: он достается всему роду, а ему — только голова зверя, честь и слава. Он не пользуется своим положением ради личной материальной выгоды. Наоборот, все, что может, вплоть до самой жизни, он отдает своему роду. В данном случае нет естественного права по трудовому принципу, которое мы, однако, наблюдаем только при добыче ценных пушных зверей или при производстве какой-либо кустарной работы, напр., лодочной, лыжной и т.п. Но опять таки все получаемые за них продукты, в роде пороха, чая, табака и т.д., фактически потребляются всеми же членами рода. Современные политико-экономические категории, при которых одни люди могут жить в довольстве, а другие — голодать, к одулам неприменимы.

Уже в преданиях встречаем явления, при которых одул убивает одула же за то, что последний не поделился с ним жалким обрезком кожаного кисета, откуда пахло табаком, который он курил тайно, и разрезав грудь его, вынимает легкие, курит и этим подавляет гнев свой и свою обиду. Все, что имеет один, считается достоянием общественным, принадлежностью всего рода

Все важнейшие дела разбираются общим сходом или собранием всего рода. К делам этой категории относятся: выбор мест (районов) кочевья, охрана рода от неприятеля (в случае войны), запираание общими усилиями большой реки (в целях ловли рыбы, спускающейся с верховьев после икрометания), выдача девушки в чужой род (замуж) и апелляции по тяжбам на решения большака или даже шамана. При этом участвуют все члены рода, включая женщин и детей, способных вообще говорить. Когда перед советом семьи или рода встают серьезные вопросы, то можно ясно видеть, как любой мальчишка напрягается всеми своими нервами в разрешении вопроса, во взвешивании всех "pro" и "contra" положения, и к их мнениям прислушиваются так же, как и ко всем прочим действительным, более старшим членам.

Междуродовые отношения. Все описанное выше дает нам картину жизни первобытного народа не со скотоводческим бытом, а с примитивнейшим бытом полубродячих полярных охотников, с зачаточным развитием общественных организаций.

Весь интерес жизни основан на рыбной ловле и охоте. Поэтому всякая насмешка над предметами их, в особенности чужеплеменника, вызывает вражду и месть со стороны рода (племени) — собственника этих предметов. Точно так же обманым образом или хитростью добытое первенство на охоте карается строго: если нарушитель из своего рода, то дело ограничивается общественным порицанием, а если из чужого, то имеет своим последствием убийство обидчика, а затем и войну.

Другое нарушение общественного покоя, обязательно ведущее к войне — это убийство сородича. Как и у всех примитивных народов, у одулов существует строгое соблюдение кровной мести. Убийство охотника, воспитателя рода, фактического руководителя, оберегающего жизнь и благополучие племени, не может не вызвать мести, а затем войны.

Кроме того, самое основное, ведущее к междоусобицам — вторжение племени в район чужого кочевья. Если группа родов, племя проживает в районе реки Ясачной, то вторжение туда обитателей реки Поповки или Шаманкина немыслимо (и наоборот), хотя они и являются более близкими соседями. И это вторжение в чужой район имеет последствием, кроме войны, и голодную смерть обитателей его, ибо все звери — олени и лоси — или истребляются (понятно, в ближних местах от кочевья), или разгоняются. Также истребляются и другие — пушные и мясные звери.

Летом или осенью во время рыбной ловли нарушители спускаются к реке (по течению) выше селения обитателей и перегораживают ее запорами с целью задержания и добычи всей рыбы, результатом чего является голод, смерть и вымирание. Это — причины, ведущие к вражде и столкновениям внутри самой народности — между родами и племенами.

Что касается родов или племени другой народности: коряки, ламуты, редко чукчи и якуты — то причинами, вызывающими войну, служили:

- 1) рассмотренное выше вторжение в район с целью истребления зверей и дичи;
- 2) вторжение с целью забрать девушек и женщин и попутно ограбить;
- 3) кровная месть;

4) в случае, если одулы окажутся между двумя враждующими сторонами, например, коряками и ламутами, и перейдут на сторону одной из них, тогда противная сторона открывает вражду и против одулов.

Интересно отметить следующее: когда неприятель, скажем коряк, ведет женщину мимо стойбища одулов, то последние узнают ее, как родственницу, по звону ее одежды, и тогда организовывается новый поход против неприятелей (в данном случае коряков) с целью отбить обратно женщину или своих сородичей и попутно привести в исполнение закон кровной мести.

Все эти описанные причины доводили раньше до совершенного истребления целых родов и даже племен. Так погибли племена, обитающие по Шайдану, по Балагычану, Поповке, Омолону и т.д.

В настоящее время, хотя все эти причины и существуют, по однако, до войны не доводят. Так, в районе Верхней Колымы якутские роды Тимирикэн, Сарданай и др. буквально вытесняют одулов с засиженных рыболовных и белых их мест. Такое же явление мы наблюдаем и в низовьях Колымы и Алазеи, где борьба происходит из-за открытых столкновений, но тем не менее приобретает чем дальше, тем более и более углубленный характер, а следовательно, и ожесточенную вражду. Скрытый характер вражды носит и отношение к Восточно-Гижигинским ламутским родам, которые ежегодно спускаются от верховьев Шайдана, Коркодона и т.д. ближе к устью, истребляя белок и разгоняя небольшие табуны диких оленей, находившихся под "присмотром" одулов до оседаний снега.

Что касается русских, то поражает тот страх, который одул обнаруживает при появлении любого русского, будь то начальник, кузнец, простой мещанин и т.д., как будто все они сохранили право обложить их непосильным ясаком, отнять девушек или мясо и вообще причинять обиды. Это становится понятным, если мы обратимся к завоеваниям русских "пионеров". Одулы кочевали по долинам рек, и последние послужили также путями русским завоевателям, заставшим врасплох разрозненные части племен и своей мохнатой наружностью, бесцеремонным обращением и суровыми расправами внушавшим им небывалый страх.

Воины одулов славились на всем северо-востоке своей доблестью и считались образцам сочетания ловкости, храбрости, силы и неутомимости, в то же время красоты и благородства. До сих пор еще сохранился обычай оставлять во время охоты в живых от истребляемого табуна зверей или стаи лесных птиц одного представителя мужского и женского пола.

Несмотря на все это, одулы — народность чрезвычайно чувствительная к обидам. Между собою, как и с представителями других племен, в обращении деликатны и осторожны. Прямого обращения нет. Употребляется всегда третье лицо, может быть в знак почтения или уважения, может быть из нежелания обидеть человека, следствием чего может явиться месть, убийство обидчика и затем война, а может быть еще и по чисто религиозным соображениям, ибо "худое слово поражает человека, как стрела". Но как бы то ни было, примитивная житейская мудрость берет верх и заставляет воздерживаться от оскорблений, чем с успехом пользуются их сильные соседи: "не кричишь, значит не больно", и "не плачешь, значит не обидно".

Родовые и племенные советы и празднества

Родовые советы есть первичная стадия развития общественности. Затем следует совет племени, т.е. всех родов, заселяющих один район. Это происходит в начале кочевья, когда указываются пути и долины каждому роду в отдельности, иногда и нескольким вместе (что зависит от согласия их). Затем напоминает им срок прибытия в устье Ясачной для общенационального сборища. Самый процесс этого племенного собрания состоит в следующем: все мужчины (охотники) племени собираются в доме одного из вожаков рода, обычно более богатого и умного, уважаемого всеми, где обсуждаются все поставленные (родовыми большаками, охотниками и даже детьми, напр., во время войны), вопросы. Здесь же разбираются тяжбы охотников, поссорившихся из-за чего-нибудь. Решения собрания племени никем не должны быть нарушаемы. В случае нарушения, если оно произведено представителем другого племени, он должен быть уничтожен, а если из своего племени, то строго наказан: или (летом) привязывают голого к дереву на комарный вечер, или (зимой) секут розгами в присутствии всего племени.

Общенациональное собрание или собрание всех племен происходило в начале июня, в местности shagadebs — “прорва”, недалеко от устья реки Ясачной. Весной, как только все реки освобождаются от льда, кончая работу по лодочному строительству (см. выше), собрав всю зимнюю и весеннюю добычу (шкурки пушных зверей), спускаются с вершин разных притоков Колымы, с места, где провели весну, на лодках и плотах до устья, а затем вниз по Колыме до устья р. Ясачной.

Коркодонские одулы проводят весну в верховьях Коркодона, за 350-400 км от устья, а устье находится в 500 км выше устья Ясачной. И одулам приходится спускаться по реке Коркодон и Колыме 900-1000 км, а затем обратно туда же подниматься, против течения. Все это занимает около двух-трех месяцев. Шайданским, расположенным еще выше Коркодона (по Колыме) на 100 с лишним км — приходится еще больше затрачивать и энергии и времени.

И вот, когда некоторые, более близкие племена съехались schagadels (в “Прорве”) раньше, то в годы удачной охоты и местного сожительства встречают другие племена с радостными криками, со множеством костров и залпами из ружей. Степень радости доходит до того, что племена, прибывшие раньше, встречают новых “стоя по пояс в воде, обнимаются, обнюхиваются, потом, распевая импровизированные песни торжественного характера, подходят к кострам, где для новичков приготовлен чай, пища и покой. Молодежь, соскучившаяся за целый год разлуки, сразу, не взирая на чай, пищу и усталость, бросаются друг к другу и заводят пары, песни и пляски”.

Но если случилась зима суровая, весна голодная и вдобавок была война или эпидемия, погибли целые семейства и роды... “тогда никто никого не встречает, приветственные костры не разжигаются, радостные крики не вырываются из груди... Но все же сходятся, и враждующие племена становятся отдельными стойбищами; друг к другу не ходят, делаются мрачными, печальными и таинственными”. При этом, однако, часовых не выставляют, друг за другом не следят; и всякая вражда — внешняя по крайней мере — приостанавливается. Никакой смертный не может дерзнуть нарушить покой мирной полосы, обетованного места примирения. Земли и духи, вода и солнце не могут смотреть на кровь, пролитую здесь, вот на этой земле.

Первым пунктом собрания является деловая часть, где все большаки родов сообщают, коротко и ясно о всех делах, начиная с прошлого года, удачах и неудачах, счастья или несчастья. Весь народ, сам по себе, под предводительством старейшин, выслушивает и, наконец выносит то или иное решение. Чаще всего по вопросам вражды выносятся решения мира и помощи друг другу и дают понять, что тот или иной род действовал неправильно или сделал нарушение традиций и законов и тем самым опозорил себя и весь народ.

В случае удачной весны деловая часть собрания протекает под дружный смех и взаимные приветствия и восхваление удачных охотников. Затем начинается вторая часть — пир и, наконец, игры, пляска, пение и всевозможные состязания. К последним относятся: бег, стрельба из лука, ружья, перепрыгивание через преграды, удары копьем, рубка леса, поднимание тяжестей, борьба, увертывания от стрел и копий (с тупыми кончиками), гонка на маленьких челноках (лодочках) и т.д.

Все это происходит под знаком единогодушного веселья и радостного сознания единства народа. Надо отметить, что при этом женщины, обладая полной свободой, держатся совершенно особо.

Цель приезда обуславливается не только этой формальной стороной, но и чисто материальными соображениями, которые сводятся к обмену между собой шкурками, сушеным мясом, меховой одеждой, орудиями производства (ножами, топорами и т.д.), лодками, лыжами, собаками и т.д. Кроме того, в силу своей замкнутой индивидуальности, несмотря на развитый первобытный коммунизм, каждое семейство желает поторговать отдельно, приобрести охотн. припасы и другие продукты от других народов (ламатов, якутов, русских), хотя они имеют общественное потребление.

Время сборища иногда длится около месяца. Такое расточительство времени, когда одна семья может обменять свои продукты на сумму, не превышающую, по нашему понятию, 100-200 рублей, объясняется чисто природными явлениями. Именно: в это время (начало июня) все рыболовные места (пески и берега) бывают заняты только что разлившейся рекой. А потому рыбная ловля (местной рыбы) запорами и рваными сетями невозможна. Что касается невода, то в это время морская рыба (нельма, омуль и др.) еще не успела дойти до верховьев Колымы. Кроме того, сезон охоты прошел, зверь, вынесший на своей спине чудовищную зиму, отоцал, и остались одни кости (шкура также не годится: начинает линять, а кожу превращают в сетку развернувшиеся под кожей личинки овода), а перелетная дичь уже пролетела дальше на север, на свои родные берега моря и приморские тундровые озера.

Весенние бедствия: голод, нищета и гибель предрешают дела, происходящие здесь на сборище. Племена приплыли сюда за 1000 км; весь вопрос существования заключается в приобретении охотничьих припасов (пороха, свинца) и средств для ловли рыбы (прядева, конских хвостов, волос), не говоря о других продуктах и товарах. Случись так, что поблизости не окажутся агенты торговой организации или купца, то приходится или возвращаться пустыми с грузом золота (стоимость мехов пушных зверей не ниже стоимости золота) и погибать зимой или весной, или впасть в кабалу к якутским богачам, которые еще с осени запаслись названным товаром, специально поджидают приплывтия одулов, чтобы с них содрать все шкурки — и пушные и их собственные.

Духовная культура

Празднества и обрядности

Суммируем упомянутые выше празднества:

1) По случаю передачи девушки в чужой род в жены.

2) По случаю рождения ребенка – нового члена рода. Нужно отметить, что одулы никогда не бросают пуповину и послед, которые помещают в берестяное ведро и вешают высоко, – на толстых стволах ивы или березы среди ветвей, чтобы они находились на виду и высоко от земли, являясь недосыгаемой приманкой злым духам “Сukul”, вечно ищущим души младенца. Таким образом, они превращают пуповину и послед в приманку, отвлекающую внимание злых духов, пожирателей души ребенка, сводящую их с пути “истины”.

До родов беременная женщина не должна есть налимью голову, чтобы ребенок не родился слишком слюнявым.

3) Осенние родовые празднества связаны с рыбной ловлей. По преданиям раньше приносились в жертву путем заклинания и повешения собаки, лебедь, гусь и глухарь. В настоящее время такого открытого жертвоприношения нет, сохранилось “кормление” огня, т.е. бросание в огонь пищи, пряностей и т.д., а также пляски и пение – знак радости и благодарности духам воды и рыбы. Действий и обрядов, связанных с одариванием духов – хозяев природы, воздействий при помощи молитв и заклинаний у одулов нет. Наоборот, все празднества, обрядности и действия насквозь пропитаны духом магизма. Так, если кто-нибудь захочет загнать неудачу в чужой невод или сеть, то он тайно отрезает в середине кибас (грузило) или привязывает к нижней тетиве шерсть собачьего хвоста.

4) Национальные празднества в начале лета есть действие, при помощи которого показывается главному покровителю – солнцу мир, любовь и согласие, чтобы и рыбы, и звери, и птицы жили так же дружно, не разбегались по всем направлениям, давали возможность ловить их в большом количестве. Кроме того, таким воздействием можно добиться большего размножения самих одулов, искореняя междоусобную вражду, а следовательно большего размножения и большей поддержки друг друга.

Обрядности по излечению болезней

Обрядности по излечению болезней являются действиями чисто магическими, напр., при кровотечении у человека из носа, гортани и т.д. пускают кровь, подрезая артерии и вены на руке острым краем кремня. Если случайно порежут руку или ногу ножом, то плюют на острие его и бросают на землю сзади себя, чтобы остановить кровь. При заболевании желтухой прибегают к следующему лечению: берут две берестовые коробицы, наполняют их водой и туда спускают по одной щуке. Заболевший берет миниатюрный лук со стрелами из кости, садится, вытянув в разные стороны ноги и, поставив между ними обе коробицы, начинает поочередно стрелять по щукам, приговаривая: “вашу пеструю шкурку мне дайте, мою желтую шкуру себе возьмите. У вас, глаза желтые, пусть и шкурка будет желтой”. После этого он их убивает стрелами и все это выливает в импровизированную яму, а затем сверху засыпает песком, чтобы духи желтой болезни, перешедшие в щук, были зарыты землей.

У одулов социальными болезнями является трахома (отчасти), сонная болезнь (вроде цинги), возникающая на почве длительного голодания и употребления снежной воды, где отсутствуют соли, необходимые для восстановления организма. Редко встречаются экзема, чесотка, туберкулез. Венерических болезней нет. Корь и оспа здесь приобретают эпидемическую форму. Во всей истории одулов был случай заболевания проказой в 1925 г. старика Трупанова. Кроме того, существует желтуха и какая-то неизвестная пятнистая болезнь. У якутов человек с пятнистой кожей (белая с коричневым и желтая) считается одаренным высшими существами на предмет охраны скота от эпизоотий.

У заболевшего сонной болезнью выдавливают кровь из переносицы, на щеках, на груди и на спине, где кожа вздувается и кровь запекается на ней в виде огромных красных пятен. Если такое выдавливание крови не поможет больному и он не перестанет спать, тогда эти вздутые места подрезают ножичками из кремня (обязательно кремня) и выпускают кровь. Больной туберкулезом долго бродит по лесу, пока не найдет летягу¹, которую он будет преследовать день и ночь и наблюдать, когда она будет испражняться; в последнем случае больной подставляет сосуд из бересты и жидкость выпивает, тогда он должен поправиться. У якутов существует обычай пить мочу малолетних, не имеющих еще "греха".

Существует поверье, что ворон имеет у себя "воду жизни"², которую прячет от людей в ножном мозгу, и чтобы достать эту "воду", нужно убить его наповал и совершенно неожиданно, при чем необходимо расколоть ту ногу, в которую она спрятана. Если ошибешься, то ворон спрячет воду даже в мертвом виде. Аналогичное поверие существует и у якутов верхней Колымы. По-моему, одулы переняли его у последних, ибо у одулов к ворону имеется только насмешливое отношение (см. ниже).

Начало огня

Жили три брата. Ходили охотиться. День прошел, вечер настал, холод пришел. Они начали мерзнуть. Потом видят: на вершине горы огонь горит.

"Я пойду и принесу огонь" — говорит, старший брат. Ушел и не вернулся.

"Я пойду" — заявляет средний брат. Пошел. Опять не вернулся. Темень настала, холод совсем пришел.

Младший брат собрался. Пошел. До места, где огонь горел, дошел, видит, столб, дом большой такой, поперек сложенный (т.е. рубленый), и из него огонь выходит. Сидит человек у огня и из целого бревна делает вертел. У огня жарятся два человека. На полу лежит молодой человек в одежде из белого золота-серебра (очевидно, здесь говорится о панцире), перевязанный железными ремнями. "Вертел для него готовится", — подумал одул. Сказал: "Человек, дай мне огонь". "Ты кто, не дам. Я тебе расскажу о себе, но с тем условием, что ты не удивишься. В противном случае я от твоей спины вырежу три ремня".

¹) Разновидность летучей мыши.

²) "Вода жизни" имеет сверхъестественную силу излечивать от всех болезней и даже воскрешать из мертвых.

“Расскажи”.

“Я родился маленьким от отца и матери. Потом весной голодал. Поднялся на гнездо орла и съел яйцо. Тогда орлица схватила меня и полетела на небо. Там оставила и сказала: “Когда мои дети выйдут из тебя, тогда я тебя съем”. (Очевидно, орлица боялась вместе с ним съесть своих детей). Улетела. Я встал, раскопал дыру и спустился. Пока я достиг земли, прошло лето, осень, настала зима, и я провалился в снег по самую грудь. Вижу, бежит медведь-самец. Побежал и испражнил мне на голову (медведь, очевидно, признал его торчащую голову за пень), и я схватил его за хвост. Медведь рванулся и вытащил меня из снега, но потом хвост оборвался. Я присел. И поскольку я был голоден, я стал его есть. Съел, но в самом кончике его нашел тебя, вот бы и показал ему палец (или кукиш)”.

“Как меня?”

“Ага, ты удивился, ложись”.

Встал, схватил его за шиворот, свалил, снял с его спины три ремня (убил его). Потом освободил человека в одежде из белого золота и братьев, взял огонь, и все вернулись обратно к себе. С тех пор одулы имеют огонь.

Бесплодная женщина без всякого сомнения и рассуждения является самым несчастным человеком. Ей хочется иметь ребенка, она об этом все время думает, дела валяются из рук, становится угрюмой и раздражительной. Ее желания конкретизированы: в тиши ночи поражает ее тихий шелест листьев в лесу, она идет туда, как будто бы на зов кого-то, искать в нем чувство успокоения и удовлетворения, как это было в древние времена, уйти со своими беспокойными желаниями из своего дома, из окружающей обстановки, искать себе мужа – найти ребенка...

Эта форма часто ведет к сильным психическим разрядам и заболеваниям. Эта – одна форма, выражающаяся в бессознательных скитаниях по лесу. Есть и другая форма, когда дома по ночам ей чудится, что кто-то спускается с неба, человек-дух, и совокупляется, после чего у ней бывают дети, которые рождаются в период менструаций и испаряются вместе с нею. В этом случае женщина становится чахлой, слишком раздражительной и слабой и почти ненормальной. Всякое лечение тут исключается. Женщина поправляется в том случае, если родится ребенок, что, впрочем, можно вызвать следующим путем: на высоких деревьях растут иногда целые копны сучьев с одного места, которые образуют веерообразный навес. Нужно подняться на дерево и срубить их и если на основании их женщина найдет белого червя и съест его, то тогда может получиться внеполовое зачатие и ребенок.

Или от демона-жениха (любовника) можно освободить женщину, если на ночь у ее постели привязать пеструю собаку-самца. Демон от ревности бросается на эту собаку, но побеждает всегда последняя. Тогда женщина поправляется и только после этого она может выходить замуж, иначе все мужья будут умирать, а дети испаряться.

Если весной птичка совет гнездо на крыше избы или около юрты, то обязательно будет ребенок у больной или у кого-нибудь из женщин – обитательниц избы или юрты.

Живые существа природы в понимании одулов

(М и ф о л о г и я)

Жили старик со старухой на опушке леса. Жили, кормясь пойманными в ловушках зайцами (colfois-die). Однажды старик одел свою доху, сшитую из заячьих шкурок, пошел по опушке леса. Когда избушка исчезла из виду, лег и стал охать. Тогда со всех окрестностей сбежались зайцы, собрались вокруг и стали плакать, что их дедушка умирает. Потом его подняли и понесли домой. “Эй, старуха, открой двери, старик умирает”¹...Старушка открыла двери. Зайцы внесли старика и сами все пошли². “Старуха, запри все двери”, – хрипит старик. “Старик приходит в себя”, – обрадовались зайцы. “Старуха, закрой трубу”. “Старик поправляется!”. Старик вскочил на ноги, схватил свой большой нож (chonisochsgojele), а старушка – дубину, которой поправляют огонь в камельке; стали направо и налево рубить и глушить растерявшихся зайцев, всех перебили. Только спаслись два зайца – один выскочил в окно, которого старик ударил ножом, но промахнулся и отрубил только хвост³, а другой – в дырочку на потолке трубы, служившей отдушиной, которого старушка ударила по голове, но опять промахнулась и попала по кончикам ушей, отчего они запачкались сажей⁴.

От этих двух зайцев произошли все остальные зайцы с короткими хвостами, с черными на концах ушами.

Белка (jodssula) раньше была совершенно белой, как снег. Но от преследования хищников зимой она припала на снег, чтобы быть незаметной. Так пролежала всю зиму, весну. Настало лето, снег весь растаял, а белка все лежит. Солнце спину пропекло, поэтому сделалась серой, а под брюхом все еще сохранился снег, потому оно осталось по-прежнему белым.

Лисица (shagala) была воспитанной дочкой старика и старухи. Они имели сарай, где хранилась юкола и др. продукты. И лисичка ходила туда воровать, ела до отвала и разжирела. Потом, когда продукты, сложенные в избе, вышли, тогда старик отправился в свой сарай, а там ничего не оказалось. Есть только следы лисички. Старик прибежал домой, вытащил лисичку, спрятавшуюся под лавку, схватил за кончик хвоста и стал пороть. Порол до того, что кровь выступила наружу, и ее белая как снег шкурка окрасилась в кровь. Потому она теперь красная. Белым остался только кончик хвоста, который старик держал в руках.

Черной сивушкой, чернобуркой сделалась она во избежание мести со стороны медведя, хвост которого остался в проруби у старика, вымазавшись сажей и грязью⁵.

¹) Заяц занимает в мифологии одулов первое место, как хитрый и находчивый зверь (см. ниже).

²) По обычаю одулов нельзя уходить не зайдя в избу.

³) Тогда все зайцы имели длинный пушистый хвост.

⁴) До этого уши зайцев были совершенно белые, как и вся шкурка. По более поздним вариантам девушки привесили ему серьги, что осталось навсегда.

⁵) Сравните волка, который запустил хвост в прорубь, где он примерз. Пришел мужик и стал его колотить, но волк, оторвав хвост, убежал.

У горноста́я (kornuta-die) кончик хвоста черный потому, что когда он, будучи молодым красивым человеком, любил ухаживать за многими девушками, некоторые из оскорбленных его изменой девушек привязали ему во время сна уголь.

Мышь (jukuncja) – зверь чрезвычайно хитрый. Она раньше жила на деревьях подобно белке. Потом она украли яйцо у совы (ibiligie) и съела. Тогда сова рассердилась и прокляла ее, так что она сделалась короткой, неуклюжей и некрасивой и стала жить в норе, но зато она приобрела нечистую силу, а потому просверливает каменные горы и делает там себе норы. Если поймают ее воруящую юкoлы или грызущую одежду или снасти, тогда живьем зашивают ее глаза и рот, чтобы прекратить ее неумный аппетит.

Медведь (meniccai) считается родственником людям потому, что он приютил заблудившуюся женщину в своей берлоге, давал лизать или сосать свои лапы, потом женился и от ребенка произошло племя (род) “jre shoronis iyi membschein”.

Таинственным медведь считается потому, что когда в берлоге убьют медведицу, то там слышны бывают визжания маленьких медвежат, но когда вскрывают берлогу и медведицу, то никаких следов от присутствия или съедения детенышей не бывает.

По другому варианту медведь поздно осенью бродил по окрестным местам голодный в поисках пищи. Встречает лису, которая тащит рыбу.

“Дед, ты голодный?”

“Да, дочка, голодный”.

“Пойдем со мной, я тебе покажу еду”.

Пошли. Дошли до засадки. Лиса взяла пешню и прорубила лед над мордой.

“Дед, опусти хвост и жди до утра. Много рыбы попадет”.

Дед опустил в прорубь хвост и сидит, ждет. Холод доходит до головы... Утро. Слегка потянул хвост. Не идет.

“Вот хорошо, – думает он – много рыбы попало, видно”.

Потянул сильнее, нет не идет. Давно примерз. Стал плакать. Видит, по берегу бежит росомаха (агнахаја).

“Мой внук, иди хвост отгрызи”.

“Нет, – говорит росомаха, – я спешу”. Убежала.

Зайчик бежит.

“Зайчик, сынок, хвост отгрызи”.

“Нет, я спешу к детям”.

Горноста́й бежит.

“Беляк, иди хвост отгрызи”.

Не ответил даже горноста́й, пробежал мимо.

Мышь ползет.

“Иди, маленький, серый хвост отгрызи”.

Пришла, стала грызть. В это время старик показался на лыжах с посохом. Пришел, стал колотить, а мышь все грызет, жилу перегрызла. Медведь рванулся, хвост оторвался, убежал, с тех пор остался без хвоста¹.

¹) См. выше. Во избежание мести медведя, лисица будучи красной, обмазалась сажей, чтобы запутать медведя.

У глухаря (*detkil-roqusciba*) брови красные потому, что он слишком много спит. У куропатки же весной от блеска снежного и ледяного покрова болят глаза как и у человека, а потому делаются красными. Рябчик-женщина смеялась над глухарем, что у того глаза красные, тогда глухарь заколдовал ее и у ней самой покраснели глаза.

Ворона (*ragana die*) прилетает весной раньше всех птиц к старшему (большому) родственнику ворону, (*com-ragana*) и спрашивает: “Ну, как зимовал (прожил долгую зиму)?”.

“Хорошо”, — отвечает ворон, лежа на спине, заложив обе руки за затылок и положив ногу на ногу. — “Когда я летаю вслед за кочующими одулами, то девушки мне оставляют кусочки ножных мозгов оленя и лося, так сильно любят меня и уважают”.

“Ха, ха, — рассмеялась ворона (*крагана*), — мне тоже оставляют, но я их не ем, когда умираю от голода — это кал собачий и самих девушек! Поэтому и твой нож без рукоятки (*клюв*), которым, отколупливая, съедаешь, весь загрязнился и пахнет так хорошо”¹.

Сова просила руки девушки *Uija usa* (гуся казарки), но ему отказали на том основании, что у нее нет шеи и больно некрасива собою и большая лентяйка. Так обсуждали все птицы, сделав общее собрание. Тогда сова рассердилась на них и наложила чары, вследствие чего все птицы стали среди лета ходить пешком (т.е. линять). Сова — большой колдун.

Раньше все птицы жили здесь, но когда наступил мороз, решили найти более теплое место, которое раньше всех нашла утка мордушка (*ra-shomscile*), и от долгого летания выступил пот и лицо загрязнилось.

По другому варианту тайное море открыла сова, куда ходила она пешком на лыжах и, вернувшись обратно к жене, сообщила об этой неслыханной радости, тогда они решили уйти туда тайком от всех прочих птиц, умиравших от холода. Они надели свои мохнатые, специально для лыж, сапоги и в это время врываются в их дом птицы, ловят, приговаривают их вечно оставаться здесь на одном месте (лишают их права летать на теплые места), во исполнение чего срезают с крыла сильную жилу, чтобы далеко не стали летать. Это случилось потому, что чирок², подслушав их разговор, доложил об этом собранию или племени птиц.

В общем все звери и птицы выступают в образе человека и все они живут точно такой же жизнью, как и люди.

Интересно отметить, что звери, в особенности медведь, у якутов называют человека “*garga*”, т.е. поперечный глаз, а у одулов — *jomirusciba*, т.е. с обрубленной шеей. В общем взгляды на животных и птиц и всю природу сводятся к полному антропоморфизму. Не исключается даже отношение к лебедю (*jomi eima*), с которого начинается весна, начало новой, сытой и счастливой жизни. При убиении и съедании медведя также не встречаем особых обрядов и обычаев, связанных с религиозными воззрениями.

¹) Ворон у других народов, напр., чукчей, якутов и т.д., считался высшим божеством, чуть ли не создателем вселенной, впервые добывшим огонь.

²) Чирок в космогонии гиляков играет большую роль, так как он выпивает все море, после чего обнажаются два солнца.

Религия, как таковая, отсутствует вовсе, если не считать первичные зачатки анимизма, которые встречаются случайно, исключительно как духи — хозяева объектов природы, напр. *bosen rogil* дух, хозяин земли, *pie-rogil* — дух, хозяин горы и т.д. Каждая гора (вершина) живет самостоятельной жизнью, влюбляются, дерутся, женятся, плодятся, охотятся и т.д. Никаких обожествлений не имеется.

Отсутствуют также шаманы, как таковые. Есть *Alma* — люди сведущие, могущие предсказывать, действовать магически и т.д. Камлания, как такового, он не совершает, и я, даже несмотря на то, что родился среди них, вырос, ни разу не видел, как *Alma* производит камлание. Наоборот, он действует магическим путем, путем тождества или косвенного влияния (законы гомеопатической и контагиозной магии).

Интересно отметить, что одулы переняли у русских понятие *seri* — *chirik*, т.е. человек, будучи не принятым после своей смерти землей, странствует по всему свету, сводя свои личные и общественные (родовые) счета. И чтобы сделаться после смерти таковым, нужно еще при жизни разрезать левое бедро и положить туда кусок меди или медную монету.

Нередко *Alma* у одулов кончал самоубийством, чтобы свести личные и общеродовые счета с врагами после своей смерти, и это считается вполне нормальным и допустимым, ибо после смерти человек живет особой таинственной жизнью, приобретает способность перелетать пространства подобно птице, жить в воде подобно рыбам и уходить в землю подобно мышам.

Из рыб хитрее всех оказывается *patruja*, т.е. налим. Он перехитрил однажды даже лису, самую хитрую (по более новым понятиям) из всех зверей, что, несомненно, указывает на то, что рыболовство является более древней формой хозяйства, нежели охота, а тем более пушная охота, имеющая высшие коммерческие цели.

Так, прибежала лиса к речке напиться воды. Видит, в воде спит налим.

“Лентяй, у тебя голова сделалась больше самого себя”, — смеется лиса.

“Лентяй, — передразнивает налим, — Давай гнаться, ты по берегу, я по речке”.

“Давай, — обрадовалась лиса, — Ведь он будет плыть по всем изгибам, а я напрямик”, — подумала она и побежала.

Налим нырнул в воду. Лиса бежала через изгибы напрямик, остановилась передохнуть.

“*Patruja!*” “Ой, я здесь”.

Лиса, огорченная опять пустилась бежать. Остановилась.

“*Patruja!*” “Ой, я здесь”.

В глазах у лисы потемнело от злости, и пустилась опять со всех ног бежать. Тут она употребила все свое звериное искусство, чтобы придать своему бегу большую быстроту. Добежала до вершины речки.

“*Patruja!*” “Ой, я здесь”, — и высунул свою сонную голову.

Лисе стало стыдно, и она убежала прочь. Потом она узнала, что тот налим (*patruja*), с которым она договаривалась, все время спал, а отвечали ей другие, которых она и будила своим окриком. С тех пор они стали врагами и лиса при всяком удобном случае поедает не только налима, но и всех его сородичей — рыб. Так рыба перехитрила самого хитрого зверя.

К демонологии юкагиров относятся люди особого вида, так называемые “древние старики” (chilzi-pulut), существовавшие некогда и питавшиеся человеческим мясом. Они имели большой рост и обладали огромной силой. Человек не мог его убить – был таким ничтожным. Но зато он во многом уступал человеку в отношении умственном. Так, однажды, заяц, обозлившись на людей, что они едят его, повел одного chilzi pulut к избушке, где жили мать с дочерью. Было летнее время. Мать с дочерью в это время ходили собирать ягоды; увидели, что идет к ним chilzi – pulut в сопровождении зайца.

“Ступай домой”, – говорит мать дочери.

Та ушла.

Старушка разделась и легла в траву между кустами и ждет, когда придут те.

Не доходя, заяц останавливается:

– Gage (дедушка). Ты меня здесь обожди, я схожу посмотрю, человек, кажется спит.

Пошел. Видит, человек лежит голый. Давно, видно, лежит, даже местами “мохом” порос.

– Дедушка, мохом порос, – кричит зайчик.

Потом заметил, что на брюхе есть след зажившей раны от стрелы.

– Дедушка, кто-то в брюхо стрелял.

Потом взгляд перевел еще ниже:

– Дедушка, кто-то ножом порезал.

Подошел поближе и придавил лапками брюхо. Старушке стало щекотно, от натуги не выдержала, выпустила газы...

– Дедушка, пропали. Лопнул.

Побежал обратно, отмахиваясь лапками:

– Совсем прогнил, воняет.

И он и chilzi-pulut убежал прочь. Старушка встала, оделась и с тех пор перестала бояться этого “древнего (сказочного) старика”.

По более позднему варианту, chilzi-pulut явился в дом к одной женщине с двумя детьми, которая варила себе пищу в берестяном котле. Те испугались: он является в дом, чтобы съесть обитателей его.

Но женщина не растерялась, вытащила из котла полувареное мясо, поставила на стол, сама разделась и, взявши талину (ветку ивы) – села на скамейку. Потом стала кусочками кормить свой орган... Тогда chilzi-pulut заинтересовался: “как же будет “она” есть, первый раз вижу”... Но “она” есть не хотела.

“Мучение, – плакала женщина, – опять не хочет “есть” без соли, откуда возьму соль...” – и стала бить “ее” талиной. Потом вскочила.

– Пойду, попрошу у соседей соли, – и ушла.

Заинтересованный chilzi-pulut остался сидеть смирно в ожидании, когда вернется женщина и будет “кормить ее”. Женщина пошла и заявила соседям, что у нее в доме сидит chilzi-pulut.

В один момент собрались охотники, побежали туда, ворвались в избу и его поймали, связали по рукам и ногам крепкими лосиными ремнями. Потом вытащили на двор и стали его жарить. Тогда он стал просить, чтобы его отпустили, что он больше не будет являться так открыто, сделается невидимым и будет есть не самих одулов, а их тени (души).

Одулы желали его убить, но не смогли. Копья, ножи и топоры были недействительны, огонь не хотел брать его (т.е. он не горел). Тогда его отпустили на волю. С тех пор *chilzi-pulut* сделался невидимым и стал называться *porulbam* или *elledulbam* (невидимый).

Кроме *chilzi-pulut* есть еще кож-ерге, т.е. "сказочная старушка", получившая свой реальный облик, впоследствии, как эпидемия оспы и кори, которая буквально выкашивала целые племена. После опустошительной эпидемии в 1878 г., унесшей почти 3/4 народа, собрание *Alma*, будучи не в силах бороться с ними, решило дать выкуп. С этой целью они сделали большое чучело из дерева, разукрасили нарядной одеждой, глазами служили черные крупные камни, сложенные в глазницы и т.д., в общем придали вид настоящей молодой женщины и поместили на дереве между толстыми ветвями, которые росли на скале при устье р. Поповки (против устья р. Шаманкино). Целью этого выкупа являлось, чтобы Кож-ерге взяла ее и отдала своему сыну замуж. После чего, естественно, она не могла бы одулов трогать, ибо устройство, а тем более съедение сородича — вещь невозможная, даже со стороны духа-людоеда тещи.

Но случилась беда. Невесту похитил чужеродец (*aylu*), бородатый человек¹. Этот чужеземец приезжал с казаком, у которого были невиданные еще одулами новые "куку-дейе" — дьявольские луки, да при том карманные. Вот они и похитили. Невеста не хотела ехать с ними, а также не хотела давать и "кож-эпие", а потому три раза она срывала ее с саней, где невеста была плотно привязана крепкими ремнями. Но ее все же увезли, и кож-эпие рассердилась на одулов, бывших своих "сородичей", а потому несколько родов сразу съела.

Еще недавно, несколько лет тому назад, в устье Ясачной во время летнего сборища народа сошли с ума поголовно все женщины и девушки, это является новой казнью кож-эпие. Они оделись в свои лучшие наряды с колокольцами, взошли на деревья (подобно той, которая была выставлена в виде выкупа) и долгое время кричали, гримасничали, охали, проклинали чужеродца... пока все не свалились на землю в бесчувственном состоянии и часть не умерла. Об этом удивительном явлении свидетельствуют и якуты, проживающие в м. Кыдбыйай, Оттуркель, Прорва, Омук аранастах и др. местах и селениях.

Существует еще *kukul* — дьявол. Иногда *kukul* — это просто комплект неудач — вредных действий или явлений, вполне материальных. Например, *kukul deje* — дьявольский лук, так называют крапивку, которая в виде поражающего и страшного сверхестественного оружия служила их врагам — казакам.

В настоящее время одулы умерших своих сородичей хоронят следующим образом. Если это случилось зимой или весной, когда еще снег лежит на земле, то рядом со стойбищем делают из веток лиственницы или из стволов ивы шалаш, обращают его на юг к солнцу и засыпают снегом. Затем подстилают туда ветви лиственницы, и на нее кладут покойника, одетого в лучший костюм. У изголовья ставят вниз головой лыжи и посох, импровизированный лук со стрелами из дерева, но с костяными наконечниками. у подножия кладут берестяную посуду — чашки, горшки, а возле — чучело собаки, сделанное из травы.

¹) Одулы обвиняют В.Иохельсона и ставят ему в вину исчезновение нескольких родов Верхней Колымы, в частности р. Поповки.

Оставлять признак костра не требуется, ибо огонь — это достояние только живых, т.е. обитающих телесно на этом свете людей.

Впрочем, если у покойника имеются ранее умершие утробные родственники, то делают чучела из травы же и кладут возле: умерших из одной семьи соединяют вместе, чтобы они могли вести организованную “жизнь”, не страдали чувством одиночества и были более сильными покровителями оставшихся.

Летний вид похорон отличается от этого зимнего вида: выбирают потолще дерево, на ветвях которого делают надстилку из толстых ветвей на подобие орлиного гнезда, и сверху подстилают свежие и пахучие ветви лиственницы, где укладывают покойника, наряженного в легких летний костюм. У изголовья вешают сушеную рыбу — юколу, а возле кладут берестяную посуду. У ног же ставят импровизированную лодочку, вязку ивовых прутьев, заменяющих собою “невод”, деревянные “крючья” и камешек. Последний одновременно является и грузиком при ловле рыбы крючками, и прочным оружием против своих и общеродовых врагов, с которыми он должен будет иметь не одно столкновение.

Передавать покойника земле — большой грех и мучение для покойника и его живых сородичей. Последний способ, однако, под влиянием христианства стал отчасти также применяться.

В более древние времена существовал обычай с умерших стариков *Alma* или старейшего в роде отделять мясо от скелета. Последний высушивался и облачался в костюм, потомки его всегда возили с собой в виде своего защитника и покровителя.

Это, очевидно, было культом предков, что, однако, позабыто теперь под влиянием с одной стороны христианства, а с другой — анимизма, которые принесли с собою якуты и русские.

Особое место занимают талисманы, которые усвоены одулами, очевидно, у якутов. Железо или медь, или вообще металл, появившись после прихода якутов и русских, занял первенствующее место среди других талисманов.

К категории последних относятся талисманы удачи, богатства и любви. Оба первые не смогли получить дальнейшего развития и являются тождественными. Ими служат следующие вещи: черный камень кубической формы; осколки “громового топора”, т.е. метеорита; круглое яйцеобразное золото, которое находят в гнезде орла; шкурка пестрой белки; шкурка летяги.

К талисманам любви относятся: пара лягушек, накрытых во время полового совокупления. Их берут, связывают в позу и высушивают; особая трава, действующая возбуждающе на женщину, которой так часто пользуется медведь, чтобы сломить упрямство и гнев старой медведицы; два дерева, сросшихся вершинами, от которых берется заболонь с места срастания. Все эти талисманы и богатства и любви нужно хранить в укромном местечке в строжайшей тайне. В противном случае их сила улетучивается, т.е. они теряют магическую силу своего назначения.

Пока это — все, что можно сказать о духовной культуре одулов. Тут мы видим только гомеопатическую магию, т.е. магию по сходству. В общем вся духовная культура сводится к антропоморфизму, затем к зачаткам анимизма. Замечаем, что какие-либо понятия космического характера отсутствуют вовсе. Зато есть понятие космопаризма, напр., солнце — высшее божество, скотный и добрый человек, живет такой же жизнью, как и подлинные люди; луна — тоже. Звезды — это отверстия в небе. Небо — это “кужу” — объяснения нет. Судя по определению звезд, небо есть зем-

ля (где живут солнце, луна и т.д.). Северное сияние по-якутски – “юкагирские огни” (zukebilioxa), у одулов – просто rojns-nime-rojneje, т.е. белое побелело. Созвездие Большая Медведица есть просто “висящая”, в якутском переводе (bija passu). А скорпион – дух горного барана. Млечный путь – это дорога перелетных птиц. Вот и все. Других определений нет.

Из всего изложенного видно, что одулы находятся на первичной стадии магодинамизма и зачатков анимизма, когда человек верит в свою силу и мощь и влияет на природу, живущую такой же жизнью, как и он сам, путем магических действий по сходству или отображению и по закону сопротивления или заражения (отражения) или, иными словами, когда человек верит в полноту своих сил над природой, в свою способность заставить природу служить его целям.

Отношение к христианству у одулов – безразличное. Одулы христианство до сего времени усвоили только с внешней стороны: блеск и торжественность привлекали дикие взоры первобытных обитателей леса и речных долин. Здесь в настоящее время они оттолкнулись от ига христианства. Об этом может свидетельствовать факт изгнания епископа Н.Винокурова в январе 1928 г. с реки Ясачной – района своего обитания.

Язык, счет, мера.

Страны света определяются от места стоянки или селеньица, которые, как замки, расположены у берега реки. Основных направлений четыре:

- 1) по ту сторону реки – *sjmt gula yat*;
- 2) по эту сторону реки (в сторону леса) – *jobil ayi*;
- 3) в сторону вершины реки – *rudil ayi*;
- 4) в сторону устья реки – *ledude auba*¹.

Для определения промежуточных стран употребляют слово *pirqiel*, т.е. между, по середине. Напр., *ejmigulagat pirqiel jobil – agi*.

Определения стран света по восходу и заходу солнца или луны, а также звезд или ветров, нет. В связи с этим отсутствует, как у якутов, понятие об обитании духами или антропоморфными объектами природы определенных частей света у якутов, напр. запад (*arja*) – страна обитания всех злых духов и существ; напротив, восток (*nili*) – добрых духов, покровителей и милостивых существ, дарителей.

Ветры бывают двух видов: теплые (*pugucilileje*) и холодные *cedul-belleudet-ilejedec*, от холода подуло или *belugabeudat illjedec* – со стороны низовья (реки) ветер.

Направление рек в большинстве случаев соответствует направлению юг – север, а потому ветры, дующие с верховьев (юга) – теплые, а с низовьев рек (севера) – холодные.

Первый наступает с I весны и к III весне приобретает разрушающее действие: 2-метровый снег и такой же толщины лед, сковывающий реки и озера, в несколько дней превращаются в бурные потоки, заливая все пространство; а второй – с осени, когда начинает подмораживать. Зимой они сопровождаются снежными бурями или метелями, заносящими все пространство толстым 2-метровым снежным покровом. Эти ветры, понятно, не дуют все время, а периодами, иногда сменяясь восточными и западными ветрами. Последнее преобладают летом и несут с собой непогоду, тогда как восточные – засуху и жару.

¹) Перевод делаю вольный.

Времена года делятся в следующем порядке:

№№ по порядку	Название одулов	Перевод русский	Признаки или объяснения
1	pada	осень	Рыбная ловля (сети, неводы и запоры); озера и реки замерзают. Употребление рыбы в мерзлом виде. Звери начали пушиться.
2	ēiēse	зима	Снег рыхлый, лыжи не поднимает, морозы; одул не может выйти в лес. В избе.
3	poro	весна I	Сильные ветры (южн.), ветки и деревья разгибаются и снег спадает с них. Оседает. Первая вылазка на лыжах, но снег еще недостаточно осел. Кочевье. Звери начинают оживать. Охота на белку. Дни удлиняются, хотя тепла не дают.
4	shiileme	весна II	Солнце ходит через голову, давая тепло. Наст. Мохнатые лыжи снимаются, надев. голицы. Охота главным образом на мясных зверей.
5	sliaysilleme	весна III	Снег растаял. Шкурка у зверей вылиняла. Прилет птицы. Реколом. Первая местная рыба. Лодочн. строительство.
6	rugome	лето	Листья распустились. Национальный праздник. Комар. Рыбный промысел. Линька птиц.

Месяцев в году 13, начало года — осень.

№№	Старые названия	Новые названия	Перевод (старых)	Примечание
1	pada-kinise	bsepazar-Ken	август	месяц луна
2	pipin-kinize	smepi-Ken	сентябрь Kinise	
3	caga-kinize	pokrop-Ken	октябрь Kinze	
4	jugo-gor-Ken	mifrejep-Ken	ноябрь	
5	oj-bicil-Ken	rosospa-Ken	декабрь	
6	lonzomol-Ken	Krishippe-Ken	январь	
7	xusxj-iesen-Ken	laveshi-Ken	февраль	
8	xuxi-eecen-Ken	laveshi-Ken	март	
9	Bilen-Kin	jagrorask-Ken	апрель	
10	unmu-Ken	pukola-Ken	май	
11	Kucren-Ken	Ukulinar-Ken	июнь	
12	jukukren-Ken	refriov-Ken	июль	
13	juku Kuse-Ken			

Здесь я сделал лишь приблизительный перевод на русское (сравнительно) летоисчисление. На самом деле понятия их соответствуют вышеописанным объяснениям к таблице времен года.

Месяц длится с появления серпа (D) и до серпа, но с обратной выпуклой стороной (C). Числа (дни) узнаются по соответствующей толщине серпа (прибавляющегося) или уменьшению диска луны. Половина месяца бывает ровно в краснолунии, за которым следует постепенное уменьшение ее.

Месяца исчисляются весьма оригинальным способом, с конечного сустава пальцев левой руки через голову и до второго сустава пальцев правой руки. Для сего обе руки сгибаются в ногтях и соединяются вместе первыми суставами (и костями) пальцев. Началом месяцеисчисления будет это соединение. Далее второй сустав пальцев, третий, сустав кисти, сустав локтя, сустав плеча, макушка головы (lonzomol) отсюда спуск в правую сторону: сустав плеча, сустав локтя, сустав кисти, третий сустав пальцев и 12-й – второй сустав пальцев. Потом переход на первый и снова. 13-м месяцем является первый сустав пальцев правой руки, но теперь, с введением месяцеисчисления по праздникам (см. вторую строку табл.), он вышел из употребления.

С введением христианства древние названия дней недели также позабыты, или их не было вовсе, в настоящее время они имеют также христианские названия.

Письменности как таковой нет. Есть своеобразные письмена – идеографические, которые чертятся кончиком острого ножа на бересте.

Есть еще другой вид письменности – любовный. Он также чертится на бересте, изображает объекты, которые связывают особыми линиями с сердцами, головой, глазами, с определенным местом и т.д. Этот тип письма отличается от первого вида своим идейным содержанием (там просто механическая передача объяснений), определенной мыслью, вложенной в него, и в конечном счете как начало художественного индивидуального творчества.

Счет ведется по пальцам рук и ног:

- 1) irkiej
- 2) axag-loj¹
- 3) ja-loj
- 4) elek-loj
- 5) arfon-moj
- 6) malhaja-loj (два раза три)
- 7) рычки-loj
- 8) melhaj-elek-loj (два раза четыре)
- 9) Kynerkі-de-zej (десять без одной)
- 10) Kune-loj

¹) Loj от слова pojł – нога. Очевидно, раньше счет производился по конечностям (нога – oapa – конечность), т.е. по количеству ног. Понятие о пальцах – shashgne – явление более позднего периода, а потому в числительных осталось понятие pojłloj, т.е. нога.

Дальше счет развивается в обычном порядке, но только в обозначении десятка с единицами слово "десять" произносится вначале, а в обозначении количества десятков — сначала единицы, а потом "десять". Например, *kynel-vikiel* — 11, *irkiej-kynel* — 1 десяток; *kynel-afagloj* — 12, *afag-kynel* — 2 десятка и т.д. Кончается *irkin-ыista*, т.е.¹ одним "сто" — последнее принято у русских. Собственного сто у одулов нет. У якутов сто обозначается "—", т.е. мешок — сто рублей.

Раньше русские привозили медные монеты в кожаных мешках по сто рублей в каждом, и значение "ыisto" сохранилось именно от этого.

Дальше "Mxhxk" счет может идти в обычном порядке (*irkinыisto*, *afadyisto* и т.д.)

Для обозначения или изображения числительных у одулов существуют особые знаки:

$$\begin{aligned} | &= 1; \text{||} = 2; \text{|||} = 3; \text{||||} = 4; + = 5; \\ +| &= 6; +\text{||} = 7; +\text{|||} = 8; +\text{||||} = 9; \bigcirc = 10; \\ \ominus &= 20; \ominus = 30; \ominus = 40; \oplus = 50; \oplus = 100. \end{aligned}$$

При обозначении различных по величине или ценности объектов², напр., медведя или белки, хариуса или нельмы, белки или лисицы, зайца или лося — обозначения соответственно увеличиваются или уменьшаются.

Количество дней, потребных для перехода из одного места в другое, называется так: "три раза лягу, (потом) прийду", — эти "три раза" и есть три дня пути. Для определения более короткого количества времени служит сравнение с готовкой мерзлого мяса или рыбы над костром, при чем два вида определения количества времени и являются единицей или мерой времени короткой и более длинной.

Язык имеет два основных диалекта: тундренный и верхне-колымский. В каждый из этих диалектов вложены понятия особой жизни: в верховьях Колымы — охотничьей и рыболовной, а на тундре, главным образом, оленеводческий.

В язык одулов вошли, хотя и в незначительном количестве, также русские, якутские и ламутские слова, главным образом из области обмена (путем продажи, названия товаров и т.д.) и названия вещей, отсутствующих у самих одулов³.

В общем, форма речи одулов отличается неполнотой предложений — короткостью и отрывистостью, отсутствием длинных периодов. О недостающих частях предложений приходится догадываться по самому ходу рассказа и по смыслу. Речь не отражает полностью возникающих в мозгу идей и образов; дает только контуры, дополняясь при этом мимикой, так что приходится самому восстанавливать всю картину рассказа.

Все это наносится ими на особые деревянные дощечки — бирки, или на бересту, которыми обозначаются количества добытых пушных зверей (белок, лисиц, медведей и т.д.) и рыб (омуля, чира, нельмы и т.д.).

¹) Сравни, у остяков:

I = 1; I = 5; X = 10; X = 100; X = 1000.

²) Крупный и ценный.

³) См. подробно в словаре и приложении — образцы живой разговорной речи и предания (сказки).

Нерешенные проблемы юкагирского народа

(Вместо послесловия)

Прошло около 70 лет, когда студент второго курса этнографического отделения Ленинградского государственного университета Н.И.Спиридонов собирал и обрабатывал материалы для будущей книги о своих сородичах и прошло 66 лет, как была опубликована, основная из дошедших до наших дней его работа — “Одулы (юкагиры) Колымского округа”, которая переиздается решением Правительства Республики Саха (Якутия). Срок небольшой, даже мизерный для периода существования на земле одной из древнейших этносов северо-восточной Азии и изнурительно огромный для народа, оказавшегося на грани полного исчезновения, для народа, испытавшего на себе (разумеется вместе с другими народами страны) трудности и ошибки, совершенные руководителями партийно-советских органов на всех уровнях.

Ровно за две недели до ареста, 16 апреля 1937 г., на своем последнем публичном выступлении на совещании редакции Детиздата совместно с работниками газет и журналов, писателей и художников Москвы и Ленинграда, работниками ЦК ВЛКСМ, Н.И.Спиридонов осмелился сказать о трагическом положении, фактически о медленном вымирании, юкагиров, о сокращении их численности. Он говорил: “Мне хотелось показать, каким образом царское правительство уничтожило целую народность”. Эта откровенность, присущая северному человеку, это правдивое рассуждение о судьбах родного народа стоили ему жизни.

В настоящем послесловии к переизданию одной из основных научных трудов Н.И.Спиридонова мы попытаемся рассмотреть, что же происходило, происходит и возможно произойдет с его сородичами в ближайшие десятилетия. Какова судьба юкагиров на сегодняшний день?

Н.И.Спиридонов в своих работах, включая художественные произведения и очерк “На Крайнем Севере” (Якутск, 1957, с.169), рассказывал и показывал о трагической судьбе юкагирского народа, об исключительном отставании уровня социально-экономического развития своих сородичей от других окружавших их этносов. Он подчеркивал, что причиной упадка экономики в дореволюционную эпоху является ясак, а в первые года Советской власти — общая разруха, связанная с продолжительной гражданской войной. Вместе с тем, Н.И.Спиридонова беспокоило то, что проблема сохранения и выживания юкагиров оставалась очень острой, в силу беззастенчивой эксплуатации, грабежа и обмана со стороны всякого рода купцов, торговых работников советских органов. Однако автор в своих работах постоянно высказывал мысль о том, что Советская власть спасет юкагиров. Он твердо взирал в светлое будущее своих сородичей. С верой в спасительную миссию новой власти, верно служа ей, на протяжении всей короткой жизни, к сожалению, погиб от руки палачей и предателей той же власти.

Какова была судьба юкагиров в советское время и какова она сейчас? Однозначного ответа найти трудно. Скажем прямо, что Советская власть, несмотря на огромные трудности субъективного и объективного характера, многочисленные ошибки и промахи, все же сделала определенные шаги по спасению малочисленных этносов Сибири, Севера и Дальнего Востока, в том числе и юкагиров. Юкагиры объединялись в

артели, которые впоследствии стали колхозами – миллионерами. Восстанавливались и развивались традиционные отрасли хозяйства, молодежь стала учиться, заметно улучшилась социальная и духовная сфера жизнеобеспечения, росло национальное самосознание народа. Растет и численность населения. Вместе с тем, в силу ряда причин, проблема выживания юкагиров, сохранения их как самостоятельного этноса продолжает оставаться весьма острой. Более того, юкагиры, совершенно справедливо, отнесены к числу исчезающих этносов. В этой связи мы вынуждены отметить, что светлые чаяния Н.И.Спиридонова, к великому нашему сожалению, далеко не исполнились, более того, по многим параметрам социально-экономической и духовной жизни, юкагиры оказались наиболее отставшими по сравнению со всеми окружающими их этносами.

В социально-экономическом плане традиционные отрасли хозяйства юкагиров переживают очень заметный упадок. Созданные вместо совхозов родовые общины юкагиров “Чайла”, “Тэки Одулок” и “Янугайл” пока прочно встать на ноги не успели. Сокращается численность домашних оленей, существенных результатов не дают охотпромысел, рыбодобыча и коневодство. Все эти отрасли оказались убыточными, их продукция не имеет сбыта. Земельные угодья, пастбища, рыболовные водоемы не переданы общинам и фактически они объявлены “свободной зоной”, где хозяйничают браконьеры, золотодобытчики, лесорубы, охотники и рыбаки соседних поселений, населенных русскими, якутами и эвенками. Растет число безработных. Более половины членов родовой общины “Тэки Одулок” не заняты в производстве. Все 37 охотников-юкагиров в летнее время не имеют источника доходов. В селе Нелемное 28 человек из 130 не трудоустроены, а в родовой общине “Чайла” – 21 человек. Без работы в основном остаются молодые люди и женщины. В целом, почти 40 процентов трудоспособного населения юкагиров или безработные, или не имеют постоянного места работы. Многие существуют за счет пенсий престарелых родителей и детских пособий. Обеспеченность общей жилой площадью в селе Нелемное составляет 8,4 кв.м, а в селе Андрюшкино – 7,9 кв.м, что на 40 и 49,6 процентов ниже, чем в среднем по республике. 16 семей (41 человек) в Нелемном и 28 семей (75 человек) в Андрюшкино вообще не имеют постоянной жилой площади. Да и имеющиеся дома в основном ветхие, уровень благоустройства весьма невысокий. Заработная плата юкагирского населения из-за неустойчивости производства в хозяйствах очень низкая и составляет не более 70-75 процентов от официального прожиточного минимума в Якутии.

По данным переписи населения численность юкагиров увеличивается. Ко времени прихода русских (середина XVII века) их насчитывалось около 5 тысяч (по другим данным 9-10 тысяч) человек. Первая Всероссийская перепись населения (1898 год) зафиксировала 948 юкагиров, а Приполярная перепись 1926 г. – только 396 человек. Перепись 1936 г. вообще не учитывала отдельно юкагиров из-за их малочисленности. В 1959 г. переписчики обнаружили 285 юкагиров на территории Якутии. Последняя в СССР перепись населения (1989 год) дает численность юкагиров в 1142 человека, в том числе в Якутии 697 душ обоего пола. В настоящее время численность юкагиров, надо полагать, несколько увеличилось вследствие изменения национальной принадлежности значительного количества людей в Усть-Янском улусе –

членов юкагирской кочевой родовой общины "Янугайл" (24 человека), а также естественного прироста населения, в том числе от смешанных браков. Однако тревогу вызывает то, что абсолютное большинство юкагиров не знают языка своего этноса. Хотя около 250 человек считают юкагирский язык родным, только 20 человек свободно могут изъясняться на юкагирском языке и чуть более 100 человек могут поддержать разговор на бытовом уровне со скудным запасом слов.

В сохранении и возрождении генофонда юкагирского этноса существенную и даже решающую роль играет состояние здоровья населения. Ухудшение медицинского обслуживания, снижение профилактических мер по охране здоровья населения, неудовлетворительное состояние социального уровня жизни, распространение алкоголизма, безработица и неполная занятость трудоспособных людей привели к тревожному положению в деле сохранения генофонда народа. По данным директора Института комплексных проблем малочисленных народов Севера СО РАН В.А.Роббека на начало 1994 г. только 28,1 процент андрюшкинских и 7,7 процентов нелемнинских юкагиров сохраняют свой генофонд. У юкагиров зарегистрированы заболеваемость эндокринной системы в два раза выше, чем у других малочисленных народов Севера, болезненность детей – в 4 раза, а по детской смертности прочно занимают первое место в республике. От 1,5 до 3,8 раза чаще встречаются у юкагиров заболеваемость хроническим отитом, органов дыхания, болезни мочеполовой системы, пищеварительной системы и т.д. Сохраняется высокий уровень смертности населения, в том числе неестественной – убийства, суициды, утопления, травмы. Широко распространены инфекционные болезни, особенно среди детей. Резкий рост дает туберкулез, в том числе в бациллярной форме. 40 процентов детей страдают близорукостью, половина – кариесом зубов.

Нерешенными остаются и многие проблемы, связанные с духовным развитием этноса. Интеллигенция малочисленна и ориентирована в основном на гуманитарные специальности. Изучение языка, литературы, фольклора, самобытной культуры народа требует большего внимания. Не в полной мере развиваются прикладное искусство и художественная самодеятельность.

Как и всякий народ, юкагиры имели издревле свои общественные институты управления. Родоплеменная организация имела четко зафиксированные традиции. Культ старейшин, шаманов, военных предводителей и охотников был непререкаемым. Вместе с тем юкагиры за последнее столетие так и остались без каких-либо четких форм самоуправления. Даже в советское время не были созданы национальные районы, ничтожным было и представительство в законодательные и исполнительные органы власти. Совет старейшин юкагирского народа без финансовой поддержки фактически превратился в общественную организацию с весьма ограниченными возможностями. Закон "О суктууле юкагиров", прошедший три чтения в парламенте Республики Саха (Якутия) – Ил Тумэн, до сих пор не утвержден.

В целом, многие проблемы, имевшие место еще при жизни Н.И.Спиридонова, остаются и сейчас нерешенными. Более того, с позиций сегодняшнего уровня развития общества, они нередко даже углубляются и в результате юкагиры оказались на грани этнического вымирания.

Правительством Республики Саха (Якутия) сделано и делается немало практических шагов по разрешению юкагирской проблемы. При активной помощи научных учреждений, заинтересованных министерств и ведомств, составляются многочисленные проекты государственных программ возрождения и развития юкагирского народа на длительную перспективу. Однако многие проекты годами лежат без продвижения. Между тем, именно быстрее рассмотрение и утверждение проектов программ могут оказать реальную помощь в восстановлении и развитии традиционных отраслей хозяйства юкагиров, обеспечить все трудоспособное население рабочими местами, дать возможность для продолжения образования молодежи, для сохранения языка этноса. Только решительные шаги в выделении необходимых финансовых ресурсов могут спасти положение. Безотлагательного решения ждет строительство поселка Тустах-Сень. В государственной финансовой поддержке нуждаются юкагирские родовые общины, предпринимательское дело юкагиров. Народ ждет принятия Закона "О суктууле юкагиров".

Решение этих и других проблем юкагирского этноса даст шанс на выживание, а затем и возрождение народа. Одновременно это будет исполнением заветной мечты славного сына юкагирского народа — Спиридонова Н.И. (Тэки Одулока).

*С.Н.Горохов, доцент Якутского
государственного университета*

Примечания к переизданию

- с.6 — Чинодралы — в понятии: чиновники;
- с.7 — р.Боролох — р.Берелех;
- с.12 — Оймекон — Оймякон;
"Томус-хая" — Тумус-Хая;
- с.13 — Бетлинг — в XVII в. Бетлинга не было;
- с.17 — Агауха — Ага уса;
- с.51 — Недействительны — здесь в смысле: ненастоящие;
- с.53 — arja — арга;
nili — илин.

1. Об инородцах 1-го Байдунского и 4-го Мятинского наслегов Колымского округа

(Из записок Председателя Колымского Продовольственного Комитета, Вилюйского Окружного Исправника Н.Н.Березкина*)

Есть Верхнеколымская церковно-приходская школа, которая существует на свои средства. В пансионе только 5 мест, учащиеся ... живут на одной прокисшей мелкой озерной рыбке с древесной заболонью (тимир атах, солур).

Тяга людей к грамоте огромная. Даже — юкагиры. Юкагирка Аграфена Спиридонова (около с.Верхнеколымск) имела 6 детей и влачившая, как и остальные юкагиры, свое жалкое существование, отдала сына и дочь в школу. В последней эти дети проявили особенные способности и успешно окончили ее. Выйдя из школы, молодые юкагиры Спиридоновы работали над собою. Молодой человек был почти единственным писарем у якутов и даже учительствовал в течение некоторого времени в Верхнеколымской школе — явившись, вместе с сестрой, кормильцем своей семьи и став среди своих собратий живым примером, достойным подражания. Но злой рок судил иное.

Осенью прошлого года брат и сестра Спиридоновы в погоне за промыслом решились переходить речку по неокрепшему еще льду и, попав на талое место, погибли вместе. Горе матери... Но и в этом состоянии она не расстаётся с мыслью о том, что нужно обучить грамоте следующего за погибшими по возрасту 13-летнего своего сына, в твердой уверенности, что он вознаградит ее за ту страшную тяжелую утрату, какую понесла она, оставшись после этого вконец обездоленной. Поместить мальчика в Верхне-Колымский пансион Спиридоновой не удалось, за переполнением его мальчишками якутов, которые имеют кроме того и формальное основание отказывать ей, как не принадлежащей к их обществу. Нет, счастливая случайность помогла юкагирке Спиридоновой отправить сына в пансион при Ср.Колымской школе, — но могло это не случиться и тогда благородный порыв несчастной матери погиб бы также, как погибают и надежды многих других родителей...

Национальный архив
Республики Саха (Якутия),
Ф.490-и, оп.1, д.80, л.л.11-13,

*) Автор записок Березкин Николай Николаевич образованный и прогрессивно настроенный для своего времени деятель, работал исправником Вилюйского округа и в связи в катастрофическом положении Колымского округа — голодом — был направлен для принятия конкретных мер по спасению населения Председателем Колымского Продовольственного Комитета. Вскоре он был назначен исправником Колымского округа. Возраст Николая Ивановича Спиридонова (13 лет), о котором речь идет в записках, несколько завышен (С.Г.).

2. Тэки Одулок. Жизнь и творчество.

22 мая 1996 г. исполняется 90 лет славному сыну юкагирского народа Николаю Ивановичу Спиридонову (Тэки Одулоку).

Ныне здравствующий юкагирский поэт, ученый, общественный деятель Улуро Адо 10 лет назад, в день 80-летия старшего собрата по перу, так сказал о нем: "Тэки Одулок стал первым человеком, который громко заявил о нашем народе. Его творчество оказало большое влияние на развитие не только юкагирской литературы, но и на развитие литературы всех народов Севера". Общественная значимость творчества Т.Одулока подтверждается хотя бы тем, что он, по свидетельству Н.Д.Садовниковой, около 30 лет проработавшей в Ленинграде в Детгизе, "был первый человек с высшим образованием не только среди юкагиров, но и среди всех малых народов Севера"¹.

С.Н.Горохов, доцент Якутского государственного университета, в статье "В научном поиске" подчеркивает научную направленность трудов юкагирского ученого, который в 1934 году "успешно защитил диссертацию на тему "Торговая эксплуатация юкагиров", став кандидатом экономических наук, первым из Советской Якутии. Далее С.Н.Горохов пишет: "За свою недолгую жизнь – всего 32 года – он создал ряд ярких художественных произведений: "Жизнь Имтеургина-старшего" (1934 г.), "Имтехай у собачьих людей" (1937 г.), географически-этнографический очерк "На Крайнем Севере" (1933 г.). В 1937 г. закончил книгу "Жизнь Имтеургина-младшего" объемом в 334 стр. машинописи..."

"Жизнь Имтеургина-старшего" еще при жизни писателя выдержала три русских издания, была переведена в Англии, Чехословакии и Франции. Таким образом, Т.Одулок является первым северянином, произведения которого зарубежный читатель прочел уже в 30-х годах"².

В настоящей работе о жизни и деятельности Тэки Одулока использованы статьи И.И.Николаевой "Творчество Тэки Одулока. Истоки и формирование юкагирской литературы"³, а также выше указанные статьи Н.Д.Садовниковой, С.Н.Горохова, работы В.И.Йохельсона "По рекам Ясачной и Коркодону", статьи самого Т.Одулока "Одулы Колымского округа"⁴, "Продолжаю свой удавшийся опыт" (выступление на совещании редакционных работников 16 апреля 1937 г. в Москве), а также материалы по реабилитации Н.И.Спиридонова и др.

В 1906 году, 22 мая в одной из юкагирских семей, жившей в селе Нелемное Верхнеколымского района на берегу реки Ясачная, родился 11-й ребенок – мальчик, которого называли Ньюка (Николай).

Во вступлении к повести "Жизнь Имтеургина-старшего" читаем: "Отца моего звали Атыляхан-Иполун, он был юкагир из рода Чолгородие, то есть заячьих людей."

¹) Садовникова Н.Д. Тэки Одулок // Полярная звезда. №3, 1986, с.67.

²) Горохов С.Н. В научном поиске // Полярная звезда. №3, 1985, с.111.

³) Николаева И.И. Творчество Тэки Одулока. Истоки и формирование юкагирской литературы // Литература народов Севера Якутии. Сб. науч. трудов. Якутск, 1990, с.58.

⁴) Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа // Советский Север. №5, 1930, с.116.

В детстве я бродил вместе с семьей по лесным долинам реки Ясачной и ее притокам в поисках охотничьей добычи. Но так как у отца моего не было огнестрельного оружия, охота нас кормила скудно, и мы часто голодали...”.

И, естественно, тяжела была судьба матери, которая по словам сына, “сотни километров исходила пешком и на лыжах за мужем – охотником. Мать несла на себе весь домашний скарб, малых детей и мясо убитых зверей – оленей и лосей. Не раз она – моя мать – рожала прямо на снегу, в глухой пустынной тайге, надорванная тяжелой звериной жизнью. Не случайно же из 11 детей нас осталось только 4”.

В те времена прибавление семейства, тем более, рождение мальчика, было связано с большими расходами – родители с каждой мальчишеской головы должны были платить ясак, размеры которого никем не устанавливались. Ясак взимался по принципу “брати с них ... по сколько будет мочно”. Сколько хотели, столько и требовали, угрожая физической расправой. А в семье Спиридоновых и без Нюки уже 8 сыновей. И эти налоги совершенно обездолили и без того полуголодную семью. Еле сводя концы с концами, часто недоедая, дружно жила многочисленная семья Спиридоновых.

Но не за горами была и беда. Когда Нюке было лет 5-6, семью постигло большое горе: утонули во время рыбалки старшие дети – Настасья и Николай, которые были кормильцами семьи, ее надеждой и опорой. Это случилось на Прорве.

Прорва является родовым местом для юкагиров. В.И.Йохельсон так описывает это место: “7 августа 1895 г. я в собственном карбасе поднялся из Верхнеколымска, там, где в р.Ясачную впадет рукав Колымы, называемый Прорвой...”⁵.

А Тэки Одулок пишет: “Общенациональное собрание или собрание всех племен были в начале июня в местности shagadebs – “прорва”, недалеко от устья реки Ясачной. Весной, как только все реки освобождаются от льда, кончая работу по лодочному строительству, собрав всю зимнюю и весеннюю добычу (шкурки пушных зверей), спускаются с вершин разных притоков Колымы, с места, где провели весну, на лодках и плотах до устья, а затем вниз по Колыме до устья, а затем вниз по Колыме до устья р.Ясачной...”⁶.

И.Николаева рассказывает о судьбе семьи Спиридоновых, что после трагедии им пришлось идти по людям, детей постарше отдали по разным хозяевам, а Нюка остался при родителях. В те времена им пришлось хлебнуть много горя: годами не снимали оленьих кухлянок, питались корой с деревьев, в лучших случаях – бутугасом, жили в деревянной яранге, где свободно гулял холодный северный ветер.

7-8 лет родители отдали Николая богатому эвену в Нелемное, в надежде, что он выживет. Совсем еще ребенком стал Нюка батраком, познал все тяготы батрацкой жизни, унижения.

⁵) Йохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Спб., 1898, с.85.

⁶) Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. С.200-201.

В скором будущем хозяин продал Ньюку русскому купцу, тот через некоторое время — якутскому купцу. Об этом периоде своей жизни Н.И.Спиридонов вспоминал так: “Каждый день я возил для хозяев из лесу дрова на собаках и носил им воду из реки. Я топил печи, чистил хотон — хлев, кормил собак, чинил собачью упряжь, млял коровьи кожи на подошвы и собачьи шкуры на одежду. Работал с утра до ночи, спал на полу, в кухне без постели и одеяла, никогда не умывался и совсем не знал белья. Облезлая оленья рубаха и штаны, надетые на голое тело, были единственной одеждой в течение многих лет подряд”.

Когда Ньюка жил у русского купца, хозяин, заметив смышленность мальчика, решил сделать из него священнослужителя и по совету местного священника отдал его в церковно-приходскую школу. Ньюка учился там недолго, но успел выучиться грамоте. Как только находилась свободная минута, Николай занимался или чтением, или письмом. Бумаги не было, и он ухитрялся писать на бересте. Он до того увлекался этой нелегкой работой, что переставал замечать все вокруг себя, не слышал зова... Вот как вспоминает об этом сестра писателя Акулина Ивановна Софронова: “Как-то мы выехали рыбачить на заимку. Он (Николай) сделал себе отдельный шалашик и пропадал там целыми днями, много читал и писал. Чтобы позвать его рыбачить или пить чай нам приходилось идти за ним, так как криков он не слышал. Когда приходили за ним, он бывал весь поглощен чтением, работой. Но вот он повернется, улыбнется и с веселым смехом бежит к нам”.

Во время гражданской войны хозяин Николая, якутский купец, сделался хорунжим в войсках у белых. И Николай, отданный ему в батраки, вынужден был работать на него. Но это был уже не темный, забитый мальчик, а юноша, который начал понимать жизнь и ее беды, понял, где друзья и враги. Он стал членом Коммунистического Союза Молодежи и гордился этим званием.

Когда белые были изгнаны из тундры, юношу направили на учебу. По дороге в Якутск, на Индигирке, он попал в плен, его бросили в тюрьму, не поили, не кормили, требовали показать дорогу к красным, перейти на сторону белых... Но ответом было молчание.

Мысль о побеге ни на минуту не покидала его, и, улучшив удобный момент (а это случилось только через одиннадцать месяцев плена), Николай ушел на лыжах в лес. Только выучка охотника, закалка коренного северного человека и, конечно же, большое стремление к свободе, жизни помогли Николаю перенести дорожные мытарства, голод, холод, ночевки под открытым небом и добраться до Якутска.

Об этом эпизоде жизни Н.И.Спиридонова рассказала его сестра А.И.Софронова: “Он (Николай) заметил лыжи, воткнутые в снег, и вечером, когда стемнело, он попросился выйти на улицу. Быстро встал на них (лыжи) и под покровом темноты подался по целине в лес, и поминай как звали. Шел голодный, изможденный. На его счастье он нашел несколько куропаток в петлях, которые немного подкрепили его. Николай дошел до ямской станции, он весь продрог, устал, его мучила жажда, и он глотал снег. Он зашел в избушку, где жили старик со старухой. Его встретили вопросами: “Откуда? Кто такой?” Когда он сказал, что осматривает петли, его накормили и предложили остаться ночевать. Он, остерегаясь, что будет погоня, поблагодарив стариков, встал на лыжи и продолжил свой нелегкий путь в сторону Якутска”.

Совсем по иному сложилась жизнь Николая в Якутске: желанная, оттого увлекательная учеба в Якутской советско-партийной школе; успешное окончание школы, вступление в члены партии и направление в Ленинградский университет. Как это много и так ответственно для выходца из народа, не имевшего даже письменности, народа забитого, обреченного на медленное вымирание.

Ленинград встретил Спиридонова радушно, стал для него как бы второй родиной. Потом он неоднократно сюда возвращался, но, конечно, самое яркое, ошеломляющее впечатление получил он в первый раз.

Первые два года учебы пролетели незаметно: университет, библиотека, книги, учебники, общение с сокурсниками и преподавателями.

... В 1927 году стало известно об организации научной экспедиции на Колыму. Николай попросился в эту экспедицию, где проявил свои незаурядные способности будущего ученого, умение собирать материал, анализировать и обобщать. По итогам командировок на Колыму, а затем и на Чукотку были написаны этнографические очерки, изданные в Ленинграде под названием "На Крайнем Севере".

Вот что представляла в то время его родина: "... Но вот юкагирское село Нелемное ... На высоком берегу расположилось несколько рубленых избушек с плоскими крышами, обросшими, так же, как и в Верхнеколымске, травой и мхом. Население - около 100 душ.

В каждой избушке приютилось по 2-3 семейства. Юкагиры легкие, слегка смуглые, стройные, подвижные, вечно улыбающиеся, веселые, беспечные люди, в легких меховых рубашках, плотно сидящих на плечах, крепко подпоясанных лосиными ремнями.

Женщины и девушки одеты в меховые кафтаны. Спереди они опускаются ниже колен медными колечками и серебряными бляшками. Женщины ходят легкой, присущей только лесным жителям, походкой, и все украшения на них позвякивают, точно журчит весенний ручеек..."

В 1928 году Николай вернулся в Ленинград для продолжения учебы и в 1931 успешно закончил этнографическое отделение Ленинградского университета. Эти годы стали годами не только занятий в университете, но и долгих раздумий о судьбе своего юкагирского и других малых народов Севера. Потом они - эти думы - выльются в художественные произведения, научные статьи, а пока это - и боль сердца, и бессонные ночи, и тревожные вечера.

... В 1931 году Николай Иванович стал аспирантом Института народов Севера. Будучи аспирантом, он поехал на Чукотку в составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома для организации Чукотского национального округа, где пробыл 7 месяцев. "Сначала жил в Анадыре, потом выехал в бухту Креста, Провидения, Лаврентия, заезжал и в другие чукотские селения. Затем побывал у чукоч (чукчей), которые живут по берегу Берингова моря к югу от Анадыря. Таким образом, побывал во всех крупных пунктах Чукотии (Чукотки), ознакомился с жизнью чукоч, как береговых, так и тундренных"⁷.

Успешно закончив теоретический курс аспирантуры, в мае 1934 года при Институте народов Севера Н.И.Спиридонов защитил диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук.

⁷) Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. Якутск, 1987, с.21.

О ленинградском периоде Николая Ивановича вспоминает его сын Николай Николаевич Спиридонов-Шатунов: "Первый раз я запомнил отца, когда он только вернулся из экспедиции с Севера. Это было в 1934 году. После приезда его у нас в доме стали появляться новые интересные вещи. На стене повесили большущие оленьи рога с разветвлениями и отростками. В углу приспособили кожаную боксерскую грушу. А в коридорчике, рядом с обувью, улеглись две пары коньков.

С появлением отца жизнь в доме резко изменилась. Часто стали приходить гости: земляки-студенты Института народов Севера и другие.

В почтовый ящик больше стало поступать газет и журналов. В том числе и для меня приходили газета "Ленинские искры" и журнал "Чиж".

Отец с утра всегда садился за работу и целый день писал. В его комнате все стены были заняты полками с книгами. Иногда он вставал из-за стола, входил в общую комнату, подходил к печке и долго стоял, смотрел на огонь и молчал. Потом также молча возвращался и садился за стол.

После защиты диссертации отец стал совмещать научную работу в литературой. В это время к нам стали приходить писатели Г.Гор, С.Маршак, В.Бианки, К.Золотовский. Как раз в это время получила известность его повесть "Жизнь Имтеургина-старшего", а однажды пришел к нам А.Н.Толстой и подарил свой только что вышедший "Хлеб" в красном переплете"⁸.

В 1934-35 годах Н.И.Спиридонов работал секретарем Аяно-Майского райкома партии, затем — заведующим национальным сектором Хабаровского правления Союза писателей, а в июне 1936 года уехал в Ленинград. В годы культа личности Н.И.Спиридонов был необоснованно репрессирован...

Здесь мы прерываем изложение биографии Тэки Одулока по статье И.Николаевой: хотим познакомить читателей с материалами реабилитации юкагирского ученого.

...Тогда еще существовали аппараты КПСС. Секретарем по идеологии райкома партии работала Москвина Галина Степановна. Именно она, наш районный депутат, по наказу избирателей-юкагиров сумела связаться с контрольно-ревизионной комиссией Ленинградской областной организации КПСС и получить документ, восстанавливающий доброе имя нашего земляка.

По приговору суда от 7-8 января 1938 года были признаны виновными 9 человек, в том числе Спиридонов Николай Иванович, по статьям 58-2, 58-6, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР и приговорены к расстрелу. Им было предъявлено обвинение в том, что "они являлись активными участниками контрреволюционной деятельности с японскими разведывательными органами: вели подготовку к вооруженному восстанию против Советской власти с целью отторжения Дальневосточного края от Советского Союза, осуществляли шпионскую деятельность в пользу Японии..."

⁸) Шатунов Н.Н. Что я помню об отце // Советская Колыма. 1966, 13 мая.

Вот что ответило Управление КГБ СССР по Ленинградской области непосредственно Москвиной Г.С. письмом от 8.10.1990 г. за №10/18-П-15045: "На Ваш №90 от 5 сентября 1990 г. сообщаем Вам сведения, имеющиеся в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области о юкагирском писателе Спиридонове Н.И., необоснованно репрессированного в г.Ленинграде в 1938 году..."

...Арестован 30 апреля 1937 года Управлением НКВД по Ленинградской области по ложному обвинению в том, что он "в 1927 г., проживая в г.Хабаровске, был завербован в японскую контрреволюционную шпионско-повстанческую организацию. Собирал и передавал для японской разведки шпионские сведения. Проводил контрреволюционную работу по подготовке кадров для активных повстанческих действий против Советской власти во время войны Японии с СССР. Проводил контрреволюционную пропаганду", т.е. по статьям 58-6, 58-2, 58-11 УК РСФСР. В предъявленном обвинении виновным себя признал.

8 января 1938 года Спиридонов Н.И. был приговорен Военным трибуналом Ленинградского военного округа к высшей мере наказания. 16 марта 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР после пересмотра дела вышеуказанный приговор оставила в силе.

Приговор был приведен в исполнение в городе Ленинграде 17 марта 1938 года.

Как установлено, жертвы репрессии 30-40 и начала 50-х годов, имевших место в г.Ленинграде и области с июля 1937 года захоранивались на "Левашовской пустоши" — под Ленинградом (пос.Левашово Выборгского района г.Ленинграда). В настоящее время указанное место захоронения по решению исполкома Ленгорсовета объявлено мемориальным кладбищем и там начато производство работ по благоустройству и увековечению памяти сталинских репрессий.

Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР № 000148/38 от 29 октября 1955 года Спиридонов Н.И. реабилитирован посмертно, — за отсутствием в его действиях состава преступления.

В ходе проведенной дополнительной проверки по его делу установлено, что оно строилось на основании противоречивых показаний обвиняемого, полученных противозаконными методами. Лица, причастные к фальсификации следственных дел указанного периода, были осуждены в уголовном порядке...

Начальник Подразделения УКГБ
СССР по Ленинградской области

А.Н.Пшеничный"

С момента репрессии Н.И.Спиридонова до его реабилитации в 1955 году прошло около 20 лет, в течение которых его имя было предано забвению. Наверно, мы никогда не сумеем прочесть повесть "Жизнь Имтеургина-младшего", хотя она была закончена и принята к печати журналом "Пионер"; не сумеем, наверно, познакомиться с его основным научным трудом — диссертацией "Торговая эксплуатация юкагиров", за которую он был удостоен ученой степени; незнакомы некоторые его научные работы.

Для многих поколений читателей Тэки Одулок известен прежде всего как автор повести "Жизнь Имтеургина-старшего".

О. Чуковская пишет: “Лаконично, скупо, с чисто северной сдержанностью написана вся книга Одулока. Немногословны ее герои, немногословен и автор. Чем более драматично и напряженно положение, тем меньше слов употребляет автор и тем тяжелее, весомее, тем содержательнее каждое слово... В этой полунемоте – выразительность, сила, глубина человеческих страстей: любви и ненависти”⁹.

Читателям известно, что такого мастерства он добился не сразу. Наоборот, он сначала стал писать, назовем, “общепринятым”, популярным стилем общеобразовательной советской школы, т.е. обычным русским языком, соблюдая соответствующую стилистику. Для чего? Он думал, что такой текст будет доступен всем.

На эту его ошибку сумел указать основной его наставник С. Маршак.

Об этой школе наставничества над языком художественного произведения пишет Н. Д. Садовникова:

“Первый вариант повести автору совсем не удался... По всей вероятности Спиридонов опасался, что своеобразное мышление юкагиров скажется чуждым читателю, особенно юным, и он старался видеть описываемое глазами русского человека. Вот тут-то и крылась ошибка. Талантливый редактор, редактор-художник, редактор-экспериментатор Маршак уловил это, понял в чем дело.

Ведь рассказчик Спиридонов – удивительный: в его устных рассказах все зримо, объемно, а в рукописи тускнеет. И Маршак предложил работать над повестью заново таким способом: Николай Иванович будет рассказывать о жизни героя повести, думая при этом по-юкагирски. Он повел рассказ медленно-медленно, стараясь передать мысли и чувства юкагиров в ритме, который больше соответствует северной природе, жизни обитателей этого сурового края, почти первобытному мышлению юкагиров той поры. А редактор записывал. Эксперимент дал главное – тональность повествования. За этим последовал синтаксис и своеобразная лексика. Далее автор работал самостоятельно и удачно завершил повесть.

Это было накануне I съезда писателей Союза ССР. Был объявлен конкурс на лучшую книгу для детей.

Первую премию получили Маршак и М. Ильин. А вторые – 4 молодых автора, в т.ч. Тэки Одулок.

Н. Садовникова пишет:

“В центре повести тяжелая судьба охотника-оленевода, чукчи Имтеургина. Русские купцы совсем его разорили. Он остался в тундре без оленей. Наступил голод. Чтобы спасти семью, Имтеургин вынужден пойти в батраки к богачу Эрмечину – мерзавцу, подлецу, убийце старшего сына Имтеургина.

Автору блестяще удалось передать образ мыслей Имтеургина и описать его жизнь. Хочется привести такой эпизод из повести. Имтеургин пасет оленей. Под снегом лед, очень трудно из-под него доставать мох. Имтеургин обошел стадо вокруг, поковырял палкой под снегом и сказал:

– Крепкий лед. Как вы себе ногти не сломаете?

Сказал и сам испугался. Имтеургин сел на землю и тоже начал капать снег. Он разгребал снег руками и кричал:

⁹) Чуковская Л. Об одной забытой книге // Сибирские огни. 1959, с.178.

— Я олени! Я вожак! Я снега не боюсь, обезножья — болезни не боюсь. Вот какой я олени!

Потом посмотрел на оленей и громко сказал:

— Олени мои льда не боятся. У них ногти железные, рога медные, глаза оловянные. Обезножье — болезнь далеко бежит. Вот! Яккаем!

Он вытащил из-за пояса длинный нож, поднял его над головой и закричал еще громче:

— Убью! Забодаю! Волка заколю, обезножье зарезу, чесотке брюхо распорю! Вот! Лучше уходите, моих оленей не трогайте!

Потом сказал тихо, про себя:

— Теперь я всех духов прогнал.

В той же статье "Тэки Одулок" Н.Д.Садовникова рассказывает, как она, разбирая детгизовский архив 30-х годов, совершенно неожиданно наткнулась на выступление Н.И.Спиридонова на творческом совещании Детгиза в Москве. Состоялось оно в апреле 1937 года. (Вспомним материалы реабилитации: Н.И.Спиридонов был арестован 30 апреля 1937 года.). Выступление горячее, партийное, принципиальное, проникнутое любовью к своему маленькому по численности народу с такой трудной судьбой. Какой это был пламенный оратор, трибун!¹⁰

Отдавая дань памяти Н.И.Спиридонову, не побоявшемуся с такой речью выступить буквально за несколько дней до ареста, приведем его выступление в том виде, в каком оно дошло до нас.

15-16 апреля 1937 года в Москве в Детгизе состоялось большое совещание редакционных работников с активом писателей и художников Москвы и Ленинграда. В совещании принимали участие работники ЦК ВЛКСМ, в ведении которого находилось тогда издательство. Вопросы были разные: о тематике детских книг, о повышении художественного уровня литературы, о творческой обстановке в издательстве, о взаимоотношениях между редакторами и писателями. Говорили о том, как жизнь отражается в литературе и т.д.

Выступали писатели Москвы и Ленинграда, редакторы Детиздата, работники газет и журналов, представители ЦК комсомола. Среди выступающих были К.Паустовский, А.Гайдар, Н.Заболоцкий, А.Слонимский, Б.Ивантер, Л.Успенский, В.Шкловский и др. Выступил и Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок).

Такое выступление дает Н.Садовникова к выступлению Н.И.Спиридонова, которое состоялось 16 апреля 1937 г.

Стенограмма, говорит она, хранится в архиве Ленинградского Дома детской книги.

*Д.И.Наумова, учительница
Нелемнинской средней школы
Верхнеколымского улуса*

¹⁰) Садовникова Н.Д. Тэки Одулок. С.68.

3. “Продолжаю свой удавшийся опыт”

(Выступление на совещании редакционных работников, хранится в архиве Ленинградского Дома детской книги)

... **П**ервый вопрос, это вопрос о партийности в литературе и особенно в детской литературе, которая призвана воспитывать миллионы наших детей, и причем детей не только столицы, где ребята обучаются не только на письме, но и другим путем, но детей наших окраин. Вы не забывайте, что наш советский Союз очень обширен, имеет много национальностей, причем целый ряд народов находится в самых разнообразных условиях, которые сложились исторически. Люди начинают только вставать на ноги, здесь партийность должна быть до конца выдержана, должна быть совершенно четкой политической линия в детской литературе.

На Севере у нас до последнего времени было просто неблагоприятно. Еще в 1925 году, когда организовывался комитет Севера при ВЦИКе, еще в то время много людей твердили, что северные народы — это, так сказать, совершенно обособленные народы, и поскольку они отстали на много веков — они не могут прийти к социализму.

Когда эта штука была разбита и Север был советизирован, и там был построен фундамент социализма, тогда люди ударились в другую сторону — говорили, что северяне — очень советские люди, но в силу своего происхождения, поскольку они кочевники, поскольку они оленеводы — не могут воспринять тяжелую индустрию, не могут работать в области социалистической индустрии, и, следовательно, индустрию туда давать нельзя.

В связи с этим перекликались многие писатели, не детские писатели, они говорили, что на Север наша тяжелая индустрия проникает как нечто чужеродное. Я имел в виду по этому поводу сказать много, но так как это писатели не детские, то я воздержусь.

В 1934 году, когда моя книга “Жизнь Имтеургина-старшего” находилась еще в типографии, я был командирован партией на Дальний Восток, там пробыл в северных районах два года и в прошлом году, примерно в это же время, вернулся. Этот год я работаю, продолжаю свой удавшийся опыт. Этот опыт есть не только мой лично, а этот опыт есть доказательство правильности политики партии и в области национального строительства, и в области социалистического строительства на Севере.

Если бы время позволило, я рассказал бы, как Советская власть на Севере организуется, как строит социализм. Одна маленькая характерная деталь — встретил там человека, который в мешочке носил кусочек собственной кишки, которую ему вырезали. Он ездил по всей тайге, показывал всем эвенкам этот кусочек кишки и говорил: “Вот какие хорошие советские врачи, они спасают человека от смерти, самую скверную вещь вырезали”. После этого нашим советским врачам отбоя не было. Дело дошло до того, что какой-то старик, чтобы попасть к врачу, отрезал себе кончик пальца и пришел к врачу: вылечи мне эту штуку. И потом этот кончик пальца он возил по всей тайге (А п л о д и с м е н т ы).

В 1931 году, когда мы приезжали на Чукотку, организовался округ, мы ввели первые кочевые школы. В тундре очень скучно, и кочевая школа возила радиоприемник с громкоговорителем. Чукчи первое время — определенная группа — вели борьбу с этим громкоговорителем, а через него и борьбу со школой. Были случаи, когда палатку оцепляли вооруженные люди и шамана посылали обследовать, что это за штука и

почему орет во все горло. А потом, когда этот громкоговоритель заговорил на местном языке – передача окружного центра – и чукчи услышали из этой трубки речь на своем родном языке правду о Советской власти, они перестали враждебно относиться к этому рода культуре. Вот как наша советская культура проникает на Север. В 1926 году на Чукотке, между прочим, нашли местного чукотского царя. Он имел родословную, восходящую ко временам Екатерины, имел вот такой длинный кафтан с собольим воротником, имел нагрудной знак. 18 тысяч оленей, 50 пастухов и человек 10 придворного штата. Жил в трех домах. Один дом – кожаный для обслуживающего персонала, один меховой – это его присутственное место и третий – личные апартаменты – на шести саях лежали волчьи шкуры, а дальше медвежьи, лисьи, песцовые подушки. Ему надо было кочевать по тундре, он забирался в дом, пастухи запрягали 20 оленей и возили его. И этого чукчу обнаружили в 1926 году. Этаким человек (если можно сказать человек) так наказывал своих пастухов. Если первый раз повинисься – он брал большую голову сахара – 20 фунтов и заставлял эти полпуда сахара съесть – грызть зубами, даже топора не полагалось. Во второй раз он давал котелок, наполненный солью (такое же количество), ложку и заставлял есть. Его практика была – пригласить людей, дать по убитому оленю и устроить состязания, кто больше съест. Его обнаружили, раскулачили, а потом встал вопрос, что с ним – убить его и сослать? Но дальше Чукотки не сошлешь. Его решили использовать в качестве помощника пастуха. Пастухи, пока настоящих условий для труда не было, жили в снежных ямах, и этот царек перекочевал в снежную яму и в ней жил, его заставили работать.

Вот каким образом туда проникает и организуется советская власть.

В порядке подготовки к 20-летию Октябрьской революции, помимо той книги, которую я вчерне уже закончил (речь идет о книге “Жизнь Имтеургина-младшего”) я даю и по своей последней поездке в Арктику 1934-35 г.г. книгу рассказов о том, как Советская власть организует там новую жизнь. Кроме этого, я уже закончил работу по истории юкагиров. Юкагиров было много, а до Октябрьской революции их осталось 396 человек. А за последние несколько лет юкагиров стало около 700. Мне хотелось показать, каким образом царское правительство уничтожило целую народность”.

Еще раз напомним, что ровно через две недели после этого выступления его арестовали.

Современный северовед, ученый-лингвист, журналист Вячеслав Огрызко в статье “Неизвестный Север” пишет: “Лихо прошелся по северянам 37 год. Была арестована значительная часть преподавательского состава Ленинградского института народов Севера. В эпоху предвоенных репрессий погибли исследователь удэгейцев В.Шнейдер, первый юкагирский писатель Тэки Одулок (Н.И.Спиридонов), незадолго до своего ареста выступивший с серьезными обвинениями в адрес ученых, директор института Я.Алькор (Кошкин), другие североведы. Многие этнографы и лингвисты в это время оказались в лагерях...”¹¹

Закончить описание творчества Тэки Одулока хочется словами Н.Садовниковой: “Я верю, что будут еще созданы о нем и героическая поэма, и психологическая повесть, и написан умный, горячий сценарий для фильма. Верю, очень верю...”

¹¹) Огрызко В.В. Неизвестный Север // Слово народов Севера. №1, 1994.

4. Воспоминания

Скоро общественность республики отметит 90-летие со дня рождения первого юкагирского писателя, ученого Николая Ивановича Спиридонова (Тэки Одулок). Мне приходилось ознакомиться с судебным делом Николая Ивановича. Он был обвинен необоснованно. Поводом для ареста послужил тот факт, когда он отстал от парохода по пути во Владивосток в Охотском море. Тогда в Москву ездили через Магадан, Японию, из Владивостока и далее по железной дороге. Впоследствии органы безопасности изменили мотивы обвинения, обвинив группу в 10 человек в шпионаже в пользу Японии, якобы в это дело привлекли Спиридонова. Все они были видными учеными Института Севера. При том все они были лицами еврейской национальности. Все привлеченные в первое время отказывались от предъявленного обвинения. Но потом из дела видно, что все они признавались в шпионаже. Затем состоялся закрытый суд. На суде все как один отказались от прежних показаний на следствии за исключением одного Спиридонова, который, видимо, не без подсказки со стороны, повторил свое показание на следствии. Его могли обмануть. В итоге все без исключения были осуждены к расстрелу. Остался лишь один человек — Юрий Абрамович (Барухович) Крейнович, который был осужден к 10 годам тюрьмы и 5 годам ссылки после освобождения. Так оборвалась жизнь молодого юкагирского ученого, писателя, который писал вместе с Маршаком.

Его жена Ольга Николаевна Спиридонова была сослана в город Нелинск Кировской области. Его рукописи книги потерялись в издательстве "Молодая гвардия". Ольга Николаевна своего единственного сына отправила поездом к сестре Анне Николаевне, которая тогда жила в Москве. Его усыновила семья Шатуновых. Хозяин Сергей Григорьевич Шатунов тогда работал в Генеральном штабе армии, дослужился до звания полковника. Он с приемным сыном Николаем Николаевичем Спиридоновым приезжал к 60-летию Николая Ивановича, побывал и в Средне-Колымске. Сын был топографом, умер в прошлом году. Его семья живет в Москве, открытое шоссе 21, кв.6, тел. 06-95. Его жена Валентина живет с Сашей, у которого двое детей.

Д.Семенов

Семенов Дмитрий Николаевич
с.Крест Хаджай, Томпонский улус.

P.S. Спиридонов Н.И. реабилитирован полностью за отсутствием состава преступления.

Д.Семенов*

---

*) Семенов Д.Н. длительное время работал в руководящих органах Верхнеколымского района Якутской АССР и одним из первых поднимал вопрос об реабилитации Н.И.Спиридонова (С.Г.)

5. Библиография

отдельные произведения и издания в периодической печати

Тэки Одулок
(1906 – 1938)

Произведения

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего: Повесть. – Л., Детгиз, 1935 – 143 с.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего: Повесть. – М.; -Л.: Лендетгиздат, 1936 – 140 с. :ил.

Тэки Одулок. На Крайнем Севере: Очерк. – Якутск: Кн. изд-во. – 1959. – 168 с.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. Повесть – Якутск: Кн.изд-во, 1976. – 112 с. :ил.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере; Тарабукин Н. Моя жизнь; Кимонко Д. Там где бежит Сукпай: Повести, очерк и стихи (вступ. статья А.К.Михайлова); Художник И.Д.Корякин. – Якутск: Кн.изд-во, 1987. – 432 с: ил. (Под полярными созвездиями).

Тэки Одулок. На Крайнем Севере /Предисл. проф. В.Г.Тан-Богораз; Введ. Н.Фирсова. – М.: Молодая гвардия, 1933. – 176 с. :ил. – (Б-ка экспедиций и путешествий).

Тэки Одулок. Улахан Имтеургин олофо: Сэһэн /М.Д.Дьячковкай тылб. – Якутскай: Кинигэ изд., 1966. – 120 с.

Издания в сборниках и периодической печати

Тэки Одулок. Гость в тундре: Рассказ //Голубые Горы: рассказы писателей Севера. – Л.,1985. – С.66-73.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. Отр. из повести /пер. Т.Кайдаров //Полноводная Лена. – Алма-Ата, 1980. – С.77-87. На казах. яз.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. Повесть //Вторые рождения. Произведения зачинателей литератур народностей Севера и Дальнего Востока. – М., 1983. – С.13-89.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. Отр. из повести //Литература народов Крайнего Севера: Хрестоматия. – Якутск, 1994. – С.73-99.

Тэки Одулок. Имтехай у “собачьих людей”: Рассказ //Пионер. – 1937. – №3. – С.101-114.

Тэки Одулок. Имтехай у “собачьих людей”: Рассказ //Творчество народов Дальнего Востока. – Магадан, 1958.

Тэки Одулок. Имтехай эрэйдээх олофо. Сэһэнтэн быһа тардыы /С.Саввин тылб. //Хотугу сулус, 1959. – №4. – С.85-93.

Тэки Одулок. Көһүү “Улахан Имтеургин олофо” кинигэттэн быһа тардыы //Бэлэм буол. – 1976. – Муус устар 22 к.

Тэки Одулок. Ленин мэтириэтэ. Сэһэнтэн быһа тардыы //Хотугу сулус. – 1969. – №5. – С.72-73.

Тэки Одулок. Луна в рубаху оделась. Отр. из повести “Жизнь Имтеургина-старшего”. //Уважаемые дети. – Л., 1989. – С.73-83.

Тэки Одулок. Люди в снегу; отр. из повести “Жизнь Имтеургина-старшего” //Таежные родники. – Хабаровск, 1970. – С.28-54.

Статьи и публикации

Одулок Н. Карта и пути сообщения верховьев реки Колымы //Сов.Якутия, 1930. – С. 97-118.

Спиридонов Н., Миртэн С. В Колымской тайге //Красная газета. – 1929. – 25 апреля.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). “Табыллыбыт холонурбун саныыбын” (Детгиз редакциятын улэһитэрин субэ мунньах-тарыгар этиитэ) /П.Аввакумов тылб. //Чолбон. – 1991. – №5. – С.25-32.

Тэки Одулок. Автобиография //Уважаемые дети, – Л., 1989. – 72 с.

Тэки Одулок. В Колымском округе должна быть культбаза //Сов.Якутия – 1929. – №1. – С. 123-125.

Тэки Одулок. Внимание юкагирам //Соц. Якутия. – 1930. – №3. – С.111-118.

Тэки Одулок. Одулы (юкагиры) Колымского округа //Советский Север. – 1930. – №1. – С.9-12; №2. – С.166-214.

Тэки Одулок. Продолжаю свой удавшийся опыт. [Выступление на совещ. ред. работников]. //Полярная звезда. – 1986. – №3. – С.60-70.

Литература о нем

Алешин Ю. Сын Тундры: [О творческом пути писателя С.Курилова] //Соц. Якутия. – 1977. – 31 июля.

Бандеров Н.С. Рассказ сестры писателя //Сов. Колыма. – Зырянка. – 1966. – 24 мая.

Бессонов Н. Сын одулов: [О Тэки Одулок] //Юность Севера. – 1995. – 11 октября.

Большой сын маленького народа //Сов. Колыма. – Зырянка, 1976. – 21 мая.

Бубякин П. Ленин туһунан юкагирды кэпсээн //Знамя. –Орто Халыма. – 1976. – Ыам ыйын 21 к.

Бубякин П. Писатель-ученый //Молодежь Якутии. – 1976. – 20 мая.

Винокуров С. Суруйааччы төрөөбүт сиригэр //Кыым. – 1976. – Ыам ыйын 22 к.

Винокуров С. Тэки Одулок төрөөбүт сиригэр; [Уеһээ Халыма оройонугар 70-сааһын атаарыы] //Кыым. – 1976. – Ыам ыйын 29 к.

Воскобойников М. Колыбель новописьменных литератур //Полярная звезда. – 1976. – №4. – С.100-105.

Горохов С. Возвращение Тэки //Дыхание Арктики. – Иркутск. – 1994. – С.46-48.

Егорова Ф. Тэки Одулок – ол аата “Аччыгый юкагир”: [Төрөөбүтэ 75 сылыгар] //Кыым. – 1981. – Ыам ыйын 8 к.

Иванов А. Влтава – Колыма: [о рец. М.Майеровой в чешской газете “Чин” на кн. Т.Одулока “Жизнь Имтеургина-старшего”] //Сов. Колыма. – Зырянка. – 1973. – 18 декабря.

Колесов М. Первый юкагирский ученый: [К 75-летию со дня рождения Тэки Одулок] //Соц. Якутия. – 1981. – 11 июля; Знамя. – Среднеколымск. – 1981. – 22 мая.

Курилов Г. Основоположник юкагирской литературы //Полярная звезда. – 1976. – №4. – С.114-116.

Курилов Г. Тэки Одулок //Полярная Звезда. – 1966. – №3. – С.116-118

Курилов С. Народа верный сын //Колымская Правда. - Черский. - 1976. - 20 мая.

Литература и фольклор [Творчество первых писателей народов Севера в 30-е годы] //Пошатаева А.В. Литература народов Севера. - М., 1988. - С.78-106.

Лолидзе Г. Литературы возрожденных народов //Второе рождение: Произведения зачинателей литератур народностей Севера и Дальнего Востока. - М., 1983. - С.3-12.

Майерова М. О книге "Жизнь Имтеургина-старшего" //Чик, 1935. На чешск. яз.

Мамаева Г. К юбилею Тэки Одулок //Сов. Колыма. - Зырянка. - 1976. - 3 февраля.

Мамаева Г. Талант, открытый Октябрем: [К 75-летию Тэки Одулок] //Сов.Колыма. - Зырянка. - 1981. - 22 мая.

Мамаева Г. Экспозиция //Сов. Колыма. - Зырянка. - 1976. - 21 мая.

Михайлов А. Зачинатели нового эпоса //Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимоненко Д. Там, где бежит Сукпай: Повести, очерк и стихи. - Якутск, 1987. - С.5-16.

Михайлов А. Талант, отданный народу //Соц. Якутия. - 1986. - 23 мая; Сов. Колыма. - Зырянка. - 1986. - 3 июня.

Михайлов А. Юкагир норуотун бастакы суруйааччыта //Кыым. - 1986. - Ыам ыйын 23 к.

Надеева Т. Эстафета Тэки Одулока //Колымская Правда. - Черский, 1976. - 25 мая.

Николаева И.И. Творчество Тэки Одулока. Истоки и формирование юкагирской литературы //Литература народов Севера Якутии. - Якутск, 1990. - С.58-65 - Библиогр.: 13 назв.

Окорокова В.Б. Развитие прозы в литературе народов Севера Якутии. //Литература народов Севера Якутии. - Якутск, 1990. - С.7-32 - Библиогр.: 59 назв.

О Тэки Одулоке //Горький и Якутия. - Якутск, 1968. - С.85-86.

Пархоменко М. Рождение нового эпоса. - М.: Современник, 1979. - 352 с.

Попов Л. Самуил Маршак о Тэки Одулоке //Соц. Якутия. - 1976. - 22 мая.

Попов Л. Самуил Маршак Тэки Одулок туһунан //Эдэр коммунист, 1976. - Ыам ыйын 23 к.

Сабукарева Т. Очень нужная книга //Сов. Колыма. - Зырянка, 1976. - 14 мая.

Саввин Е. На Севере Дальнем [Расцвет национ. культур] //Соц.Якутия. - 1977. - 4 дек.

Саввин Е. Чагылхай олох //Эдэр коммунист. - 1976. - Ыам ыйын 23 к.

Садовникова Н.Д. Тэки Одулок: [К 80-летию со дня рождения] //Полярная звезда. - 1986. - №3. - С.66-69.

Сейфуллина Л. Человек //Горький и Сибирь. - Иркутск, 1949. - С.229.

Семенов Д. Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок) - юкагир суруйааччыта //Хотугу сулус. - 1959. - №4. - С.82-84.

Семенов Д. Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок): Төрөөбүтэ 60 сылыгар //Хотугу сулус. - 1966. - №3. - С.86-88.

- Семенов Д. Писатель, ученый, общественный деятель //Сов. Колыма. - Зырянка. - 1966. - 20 мая.
- Семенов Д. Спиридонов - первый писатель, ученый из юкагиров //Соц. Якутия. - 1958. - 10 апреля.
- Семенов Д. Спиридонов Н. - Тэки Одулок //Соц. Якутия. - 1966. - 22 мая.
- Семенов Д. Спиридонов - юкагирдартан маҕнайгы суруйааччы, ученай //Кыым. - 1958. - Муус устар 1 к.
- Семенов Д. Тэки Одулок дьоно //Кыым. - 1986. - Ыам ыйын 23 к.
- Семенов Д. Хоту дойду уһугунна //Кыым. - 1966. - Ыам ыйын 22 к.
- Семенов Д.Н. Юкагир бастакы суруйааччыта, ученайа, общественной деятелэ: [Төрөөбүтэ 80 сааһын туолуутугар] //Хотугу сулус. - 1986. - №5. - С.93-97.
- Смольников И. Развитие автобиографической прозы //Современные легенды. - М., 1975. - С.74-82.
- Спиридонов Н. Юкагир ученайын ыстатыйата //Кыым. - 1967, Алтынны 18 к.
- Спиридонова О.Н. Кини маннык этэ...[Тэки Одулок кэргэнин ахтыта] //Эдэр коммунист. - 1986. - Ыам ыйын 21 к.
- Спиридонова О.Н. Таким он был: [Воспоминания жены писателя] //Полярная звезда. - 1946. - №4. - С.116-117.
- Сын юкагирского народа //Сов. Колыма. - Зырянка. - 1973. - 18 декабря.
- Третьяков А.А. Писатель и ученый Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок). - Якутск, 1993. - С.106-108.
- Три белки за коробку спичек: [О статье Н.Спиридонова и С.Маршака "В Колымской тайге"] //Охотник и рыбак Сибири. - 1929. - №6. - С.58-59.
- Тумат С. Сырдык кутааны сахпыта //Бэлэм буол. - 1976. - Муус устар 22 к.
- Тэки Одулок: Библиография. Справка //Протодьяконов В., Алексеев Н. Писатели Якутии: Краткий био.-библиогр. справочник. - Якутск, 1963. - С.96-97.
- Тэки Одулок (Библиогр.) //Протодьяконов В., Алексеев Н., Писатели Якутии. - Якутск. - 1972. - С.249-252.
- Тэки Одулок //Егоров А., Протодьяконов В., Павлова В. Писатели Якутии: Библиографический справочник. - Якутск, 1981. - С.205-207. - Библиогр. 15 назв.
- Тэки Одулок //Литература народов Крайнего Севера: Хрестоматия. - Якутск, 1994. - С.73.
- Тэки Одулок (Н.И.Спиридонов) //Творчество народов Дальнего Севера. - Магадан. - 1938. - С.133-134.
- Тэки Одулок. Олоҕо уонна айар улэтэ //Кыым. - 1959. - Муус устар 2 к.
- Тэки Одулок (Спиридонов Николай Иванович 1906-1938) //Писатели Восточной Сибири: Био-библиогр. указатель. - Якутск. - 1978. - С.326-327. - Библиогр.: 29 назв.
- Тэки Одулок //Учебник по советской литературе (1917-1972). - Лейпциг, 1976. - С.56. На нем. яз.
- Улуру Адо. Горение //Соц. Якутия. - 1976. - 22 мая.
- Улуру Адо. Основоположник юкагирской литературы //Полярная звезда, 1976, №4. - С.114-116.
- Улуру Адо. Тэки Одулока: Хоһоон /С.Дадаскинов тылб. //Кыым, 1976. - Ыам ыйын 22 к.

Усков М. В библиотеке.: [Темат. вечер, посвящен. памяти Тэки Одулок в Респ. б-ке им.А.С.Пушкина] //Книжное обозрение. – 1976. – 25 июня.

Чуковская Л. Былыр умнуллубут кинигэ туһунаан //Кыым. – 1959. – Муус устар 2 к.

Чуковская Л. Об одной забытой книге: [Т.Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего] //На Севере Дальнем. Кн.2. – Магадан. – 1959. – С.148-151.

Чуковская Л. Об одной забытой книге: [Т.Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего] //Сибирские огни. – 1959. – №1. – С.177-179.

Чуковская Л.С. Маршак – учитель и наставник юкагирского писателя //Сов. Колыма. – Зырянка, 1966. – 19 апреля.

Шамшури Ю. Н.И.Спиридонов – Тэки Одулок //Календарь знаменательных и памятных дат Якутской АССР на 1966 г. – Якутск, 1966. – С.31-41.

Шамшури Ю. Певец юкагиров //Соц. Якутия. – 1959. – 12 июля.

Шамшури Ю. Предисловие //Тэки Одулок. На Крайнем Севере. – Якутск, 1959. – С.3-12.

Шатунов-Спиридонов Н.Н. Аҕам туһунаан аҕыннахха... //Кыым. – 1966. – Ыам ыйын 22 к.

Шатунов-Спиридонов Н.Н. Аҕам туһунаан аҕыннахха //Эдэр коммунист. – 1986. – Ыам ыйын 21 к.

Шатунов-Спиридонов Н.Н. Что я знаю об отце? //Сов.Колыма. – Зырянка, 1966. – 13 мая.

Шелудько В. Книги его не стареют: [К 75-летию Тэки Одулок] //Сов. Колыма. – Зырянка, 1981. – 22 мая.

Шишигин Е. Ждет исследователей: [О творчестве Тэки Одулок] //Соц. Якутия. – 1986. – 8 июня.

Яковлев А. Кыра норуот улахан суруйаччыта //Кыым. – 1976. – Ыам ыйын 22 к.

Яковлев А. Сегодня в Юкагиирии: Очерк. //Поляр. звезда. – 1981. – №4. – С.98-102.

Яковлев А. Юкагир норуотун чулуу уола //Хотугу сулус. – 1976. – №5. – С.108-111.

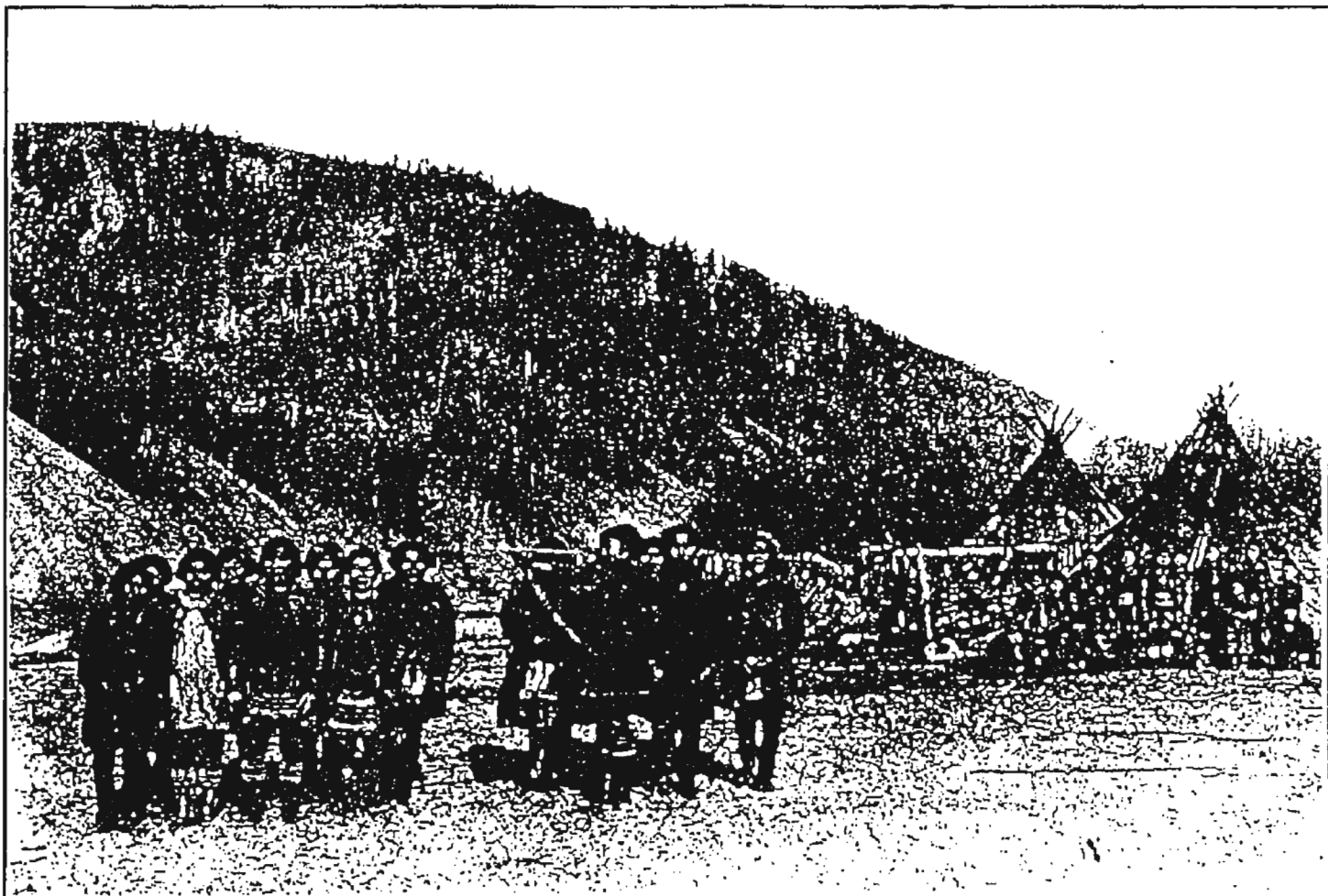
Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок)

Женская и мужская
одежда юкагиров

Стойбище

Летнее стойбище юкагиров на р. Коркодон

Юкагиры в национальной одежде

Содержание

<i>С.Г.Горохов. Великий одул о судьбах родного народа (Вместо предисловия)</i>	3
<i>Н.И.Спиридонов. Одулы (юкагиры) Колымского округа</i>	6
<i>С.Г.Горохов. Нерешенные проблемы юкагирского народа (Вместо послесловия)</i>	57
Примечания к переизданию	60
Приложения	61
1. Об инородцах 1-го Байдунского и 4-го Мятинского наслегов Колымского округа (из записок колымского исправника <i>Н.Н.Верезкина</i>)	61
2. <i>Д.И.Наумова. Тэки Одулок. Жизнь и творчество</i>	62
3. <i>Тэки Одулок. Продолжаю свой удавшийся опыт. (Выступление на совещании редакционных работников)</i>	70
4. <i>Д.Н.Семенов. Воспоминания</i>	72
5. Библиография	73

Н.И.Спиридонов

Одулы (юкагиры) Колымского округа

Утверждено к печати Ученым Советом ИПМНС СО РАН

Редколлегия: *С.Г.Горохов (отв. редактор)*
Н.Н.Курилов
В.И.Шадрин

Технический редактор: *А.Н.Саввинов*

Сдано в набор 25.04.96. Подписано в печать 17.05.96.
Формат 60x84/16. Гарнитура Школьная. Печать электрографическая.
Усл.п.л. 4,65. Уч.-изд.л.5,28. Тираж 200 экз.
Заказ № 21. Цена договорная.

Издательство "Северовед"
677008, г.Якутск, ул.Сосновая, 4.